

ВЛАДИМИР БРЯНЦЕВ

**ДОРОГА
В ОДИН КОНЕЦ**

Skleněný
mústek
2016

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Время взросления и первая влюбленность Вадима пришлось на относительно благополучный «брежневский» период истории страны. Распад советской империи стал для шофера-дальнобойщика Вадима Бута этапом переосмысления его жизненных принципов. Бытие определило новое сознание бывшего «совка», оставив для него незыблемым лишь один главный постулат – БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ. Это и зафиксировало необратимо однозначное отношение героя романа к Женщине – творению Бога, создав которое, Творец не смастерил самку для продолжения рода в подарок самцу, но изваял для настоящего Мужчины источник истинного блаженства под названием ЛЮБОВЬ...

© Владимир Брянцев 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-118-1

Содержание

От автора

Пролог

ЧАСТЬ I РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

ЧАСТЬ II

РЕЙС В НОСТАЛЬГИЮ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

ЧАСТЬ III

ТЕСТ НА ПРИГОДНОСТЬ К ЛЮБВИ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Эпилог

От автора

Вот и так бывает. Плышет человек, смирившись уже, по замедляющей свой бег реке жизни перед неизбежным впадением в болото старости и вдруг – бац! Одним нажатием клавиши на клавиатуре ноутбука он произвольно меняет свою жизнь круто.

Женщине, повернувшей русло жизненной реки автора вместо тихого болота в бурлящий океан страстей, женщине вдохновившей на адский писательский труд и верой принуждавшей садиться за письменный стол, когда возвращался из дальних рейсов вконец измотанный, и, наконец, женщине, уверенно пишущей сценарий моей семейной жизни, – Брянцевой Екатерине Ивановне посвящаю эту книгу, – жене моей любимой.

Пролог

Дверь подъезда поддалась упруго, словно раздумывая выпускать, и Вадим шагнул в пелену метели. Холодные кристаллы снега хлестали по щекам, но адреналин гнал кровь по вздутым венам, и телу было жарко. «Дежавю», – с грустной улыбкой подумал он и твердым шагом направился в сторону автовокзала. На этот раз – все!

Он чуть ли не бежал, скользя в свежем снегу добротными натовскими берцами, а курточку продувало. Уходя, Вадим схватил в прихожей легкую демисезонную куртку вместо дубленки, которую обычно брал в дорогу зимой. «Ай, плевать. Получу деньги на рейс, прикуплю что-нибудь», – утешал он себя, а где-то глубоко-глубоко в воспаленном мозгу уже вспыхивала блекло искорка надежды, что не уедет он сейчас. Ну не уедет! И найдутся для этого тысячи причин. Заметет за двадцать минут все так, что автобусы станут. Он поскользнется и сломает ногу, в конце концов. А главное – ОНА, его любимая женушка, вскрикнет звонком мобильного и простонет: «Вадим! Любимый! Прости меня, солнышко! Вернись! Нельзя нам!»

Мело стабильно, и автобус стоял на посадочной платформе, и двери его были раскрыты. Вадим замедлил шаг. Шесть минут до отправления. А может он из-за ветра не слышал звонок мобильного? Экран безнадежно забелел мертвецки бледной заставкой – ОНА молчала. Вадим вошел в полупустой автобус, не взяв билета в кассе, как бы давая подсказки судьбе: «Останови! Дай возможность, дай повод не уехать! Ты же видишь – не хочу я, не хочу!»

А судьба молчала. Молчала немим стоном его ненаглядной половинки, которая, разбив вдребезги телефон, чтобы удержаться и не позвонить первой, выла в подушку в опустевшей в одночасье квартире, на их таком любимом диванчике.

Автобус, разгребая снег, пару метров полз с открытой дверью, и Вадим, было, решил рвануть в белый проем, но паралич апатии уже вязал его ослабевшее тело, и, когда дверь с шипением закрыла возможность вернуться, он с покорностью принял неизбежное...

ЧАСТЬ I

РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

*Ну, что с того, что я там был. В том грозном – быть или не быть.
Я это все почти забыл, я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне, война участвует во мне,
И пламя Вечного огня дрожит на скулах у меня.
И с той землей и с той зимой уже меня не различить,
До тех снегов, где вам уже моих следов не различить...*

(Виктор Берковский)

Глава 1

Вадим Бут к своим сорока пяти годам ощущал себя в жизни вполне комфортно. Этому способствовал тугой узел, иногда, казалось, даже в чем-то противоположных, нравственных принципов, приобретенных в непростых жизненных ситуациях, которыми не обделила его судьба.

Он рос без отца, но в спокойной трезвой семье. Мать, поглощенная работой, не навязывала ребенку новых пап, и дед Иван стал для него тем мужчиной, который заложил в сознание маленького Вадима первый его жизненный принцип: «не проси». Страх нарваться на отказ был результатом этого, что во многом и предопределило его поступки в будущем. «Стучите, и вам откроется», – мудрость эта была не для него. Вадим научился ждать и улавливать подсказки судьбы, чтобы принять решение и уже не сомневаться в нем.

Отрочество Вадима пришлось на те «брежневские» годы, когда страна, как бы, вдруг спохватившись, выплеснула на экраны фильмы о Великой войне, да и о ветеранах вспомнила. Кроме юбилейных медалек было и более существенное: льготная очередь на приобретение мечты каждого жителя могучего Союза – легковушки «жигули». Дед Иван воспользовался льготой и вскоре Дядя Вася – отец Сережи, двоюродного брата Вадима, стал обладателем «копейки», как называлась тогда

первая, еще с итальянского металла, модель «жигулей». А медальки вальжились в серванте. Дед Иван никогда их не надевал, да и на митинги победные не ходил. Дед Иван четыре года «провоевал» в плену у немцев.

В семье это не было черным пятном, но в атмосфере всеобщей «победизации», было, как бы, «моветоном». Дед выписывал журнал «Україна і світ», где много в то время писалось о той войне. Читая, он позволял себе комментарии, которые не совпадали с официозом, и у Вадима это вызывало противоречивые чувства. Он был дитя эпохи и не мог даже подумать, что в школе могут врать, что газеты могут врать, что с телевизора могут врать.

Но и дед Иван врать не умел. Он так подробно рассказал, как летом 41-го на митинге в Бродях кто-то из солдатской массы снял пулей распинавшегося в агитации политрука, и как тот, перевалившись через перила балкона, грохнулся чуть ли не на головы. Серая масса отхлынула и равнодушно двинулась, кто куда. Это не придумаешь, да и зачем. Дед не был антисоветчиком. Наоборот, дед Иван был комсомольцем в коллективизацию, но вот про это он молчал, как бы мучаясь какой-то виной. А подросток Вадик все допытывался деда, убил ли тот хоть одного немца? «Нет», – отвечал дед. И, глядя в его глаза, в это невозможно было не поверить.

«Но как они могли застрелить политрука? – досадовал про себя внук солдата-«негероя». – Он с наганом в поднятой руке повел бы их на врага и погиб геройски в бою, а врага разбили бы! А они его, как собаку». И дулся маленький Вадим на деда Ивана за такие рассказы.

«Политрук» попадетсЯ Вадиму в первые месяцы армейской службы. Этот с отвисшим пузом, с избитым оспой лицом очкарик с лейтенантскими погонами на плечах, беззастенчиво начнет «вербовать» Вадима, когда тот, переступив через свой принцип «не проси», обратится с просьбой перевести в автозвод, куда еще вчера Вадим попадал. Попадал! Но сержантам из взвода БТР понравилась его игра на гитаре, и они выдернули Вадима из строя. Очки «политрука» взбликивали, скрывая сверлящие глаза, а Вадим не слышал его. Стоял молча и в душе проклинал себя за то, что порушил свое «не проси».

В их подростковой компании не было явного лидера. Когда Коля, старший года на два, решил было «взять бразды правления», компания распалась ненадолго и восстановилась уже на других принципах, даже отторгнув двоих «повзрослевших» до курения собранных окурков. Эта вполне здоровая атмосфера не могла породить ни комплексов неполноценности, ни тяги к лидерству в коллективе, где неудачники в опале, и Вадим – отличник до 8-го класса, спокойно уживался с поголовно троечниками в их дружном коллективе. В спорте он мог лидировать, но не страдал непомерным честолюбием, и рвал жилы на соревнованиях

только тогда, когда хотел. Это привело к первому серьезному конфликту.

Надо было ехать на районные соревнования по бегу и прыжкам. У Вадима это получалось неплохо. Но его компания собиралась на выходные в поход, и он решил отказаться от соревнований. И отказался наотрез именно тогда, когда физрук стал давить и угрожать, что влупит «двойку» за четверть. Он и влупил. Правда, «тройку», но и это выглядело нелепо. Классный руководитель закатила физруку скандал, и тот вернул «пятерку» на место. Вот в такой, не очень, вообще-то, неблагоприятной атмосфере, формировался еще один принцип Вадима: «не бойся».

Индивидуалист, не претендующий на лидерство, – в этой ипостаси ему было довольно комфортно. Вадим не ставил высоко планку в достижении целей, интуитивно ощущая, где эту планку не взять. Выглядеть смешным или неудачником – эту низшую планку он ощущал четко, а в движении вверх руководствовался желаниями, еще не ощущая страха от такого понятия, как зависимость. Индивидуализм не поощрялся в том «заколлективизированном» обществе. Если ты лидер, тогда давай в клан комсомольцев и коммунистов, а иначе ты – фронда, а там недалеко и до диссидентства какого-нибудь. Такое было время.

Конечно, юный Вадим этих премудростей тогда не понимал, но научился приспособливаться, чтобы не унижить свое «Я» и не попасть в зависимость от номенклатурной несвободы комсомольского актива. Романтик по натуре, он был готов на осознанную зависимость. От любимой девушки, например, или от любимой профессии. Во всем остальном: «Я согласен бегать в табуне, но не под седлом и без узды».

Эту песню Владимира Высоцкого Вадим услышит уже в зрелом возрасте и оценит свой интуитивный выбор себе кумира в юности. За неделю коротких весенних каникул он научится играть на гитаре. Дядя Вася, имея теперь «жигули», частенько навещался в село и брал с собой сына Сергея. На весенние каникулы в седьмом классе Сергей приехал с гитарой и умением играть на трех аккордах куплеты из песен Высоцкого. Это была революция! Вадим стер пальцы, но за несколько дней уже играл лучше брата, да и пел еще. Приблатненный Высоцкий (позже Вадим узнает больше о поэте, барде, актере Высоцком) стал первым «самоучителем» Вадима.

Сергей уехал и увез гитару. Вадим страдал, но купить ее не мог – в райцентре они не залеживались. Брат приедет на летние каникулы и подарит ему эту гитару. Вадим как губка будет впитывать, где только можно, новые аккорды, стили игры, любые песни и в то лето станет популярным в подростковой среде села. Он станет индивидуальностью без ненужного ему лидерства.

В восьмом классе Вадим определился в выборе профессии. Это было первое серьезное решение в его жизни, и в дальнейшем он всегда будет принимать их сам. Он научится слышать подсказки судьбы, научится доверять своей интуиции и научится не поддаваться «червям сомнения», когда решение уже принято. И «жабу зависти» задавит еще в детстве, научившись делать игрушки самостоятельно. Эта «жаба» лет в тридцать – времени подведения первых жизненных итогов, многих выбьет из колеи и наделит комплексами. Вадим обзавелся иммунитетом от этой заразы, что сильно помогло ему на далеко не гладком его жизненном пути.

Гул нарастал, незнакомый, вязкий, душной пеленой обволакивая ясный мартовский день. Мальчик лет пяти, катавшийся на санках на островке из серых остатков февральских метелей, поправил сползшую на лоб шапку с красной солдатской звездой и поднял голову:

– Деда! Что это?!

– Учения военные. Танки через село будут идти, на дорогу не выходи, – вечно чем-нибудь занятый, не поднимая голову от дела, ответил дед Иван.

– Я хочу видеть, деда! Я хочу видеть!

Мальчик заметался по двору в поисках подходящего для наблюдения места, а гул все давил и давил, нарастая. Забор был выше его, и мальчик, преодолевая дрожь, что передалась от ходившей ходуном земли, высунул испуганное личико за калитку.

Из общего гула выделился хриплый рокот, и первый танк, разбрасывая во все стороны гусеницами грязь, вывалился из-за поворота. Мальчик захлопнул калитку, смрадное тепло выхлопа танка просочилось сквозь щели, и он пропустил их штуки три, пока нашел силы снова выглянуть. Каждый танк проходил как волна. Мальчик успевал выхватить детали впервые виденного зрелища, оно завораживало и притягивало. Он ступил несмелый шаг за калитку и замер, держась рукой за косяк.

Черные силуэты качались в люках башен. Усталые закопченные лица танкистов поворачивались на фигурку одинокого мальчика, и один, видно заметив звездочку на шапке, отдал честь, просясь белозубой улыбкой. Мальчик машинально поднял ладонь к виску. Он уже не боялся гула. Он восхищался этими большими машинами, он их зауважал до преклонения, но уже не боялся.

С замыкающего бронетранспортера солдат взмахнул в его сторону рукой, и что-то дробью стукнуло по воротам. Мальчик не отрывал взгляда от сматывающего за собой гул транспортера, пока тот не исчез в пелене выхлопного смога, и только потом осмотрелся. В грязной снежной жиже поблескивали желтыми капсулями три патрона. Маль-

чик зажал их в кулачке и еще долго стоял, а гул все стихал и стихал, успокаивая окружающий мир.

Это и предопределило выбор будущего. Совпадало ли это решение с мнением Ангела-Хранителя и Судьбы, наперед знать не дано, увы, никому.

Глава 2

Теплый летний вечер уже спрятал зеленые глаза этой девочки в тень сумерек, но Вадим улавливал их искры на бледном, обрамленном русыми локонами лице незнакомки.

«Помню, как я мальчик был босой, в лодке колыхался над волнами. Девочка с распущенной косой мои губы трогала губами...»

Он пел для нее и боялся подчеркнуть это на виду у парней и девчонок, что собрались, как всегда, на вечерней лавочке. Он боялся спугнуть сладкое томление в душе. Уже чувствовал, что попадает в зависимость от этого еще не чувства, а лишь ощущения, и боялся потопиться, случайно спугнуть его в своем сердце, нарвавшись в спешке на неприятие этого порыва. Но глаз девочки уже не было видно. Вадим поднимал мельком взгляд ей в лицо, она ловила это движение и смущенно улыбалась краешком губ.

Эту незнакомую девочку он видел впервые. Она приехала на каникулы к бабушке. Сразу подружилась с одноклассницей Вадима, и домой подруги уходили вместе, так как жили по соседству. Случая проводить никак не представлялось, да и робел Вадим. Они общались в одной компании, но, как бы, сторонились друг друга, не имея шанса на дружбу и не решаясь шагнуть сразу от знакомства в любовь.

И, наконец, однажды после кино она пошла домой одна. Вадим догнал ее, вдруг, почувствовав, что онемел и даже испугал ее именно этой немотой в первую минуту. «Давай посидим где-нибудь». – Сердце билось где-то в горле, заглушая слова, и они звучали шепотом. «Давай», – ее голос звучал еще тише. Они сели на лавочку. С неба сыпались августовские звезды. Лето кончалось.

– Смотри, смотри! Какая большая! – Девочка восхищенно смотрела на небо в звездах, а Вадим молчал, кося взгляд на ее хорошенькое личико. Так они и сидели молча, а ночное небо осыпало их звездами, благословляя.

– А я завтра уезжаю. – Она не отводила глаз от дрожащих звезд.

– Так рано? Еще целых десять дней до школы, – Вадим еле выдавливал слова.

– Родители приехали, забирают. – Девочка отвела взгляд от ночного неба и смотрела теперь в темноту.

Ночная прохлада нежно окутывала их прозрачным покрывалом, и они непроизвольно жались друг к другу. Вадим хотел обнять ее, но дрожь била, – он трусил, неизвестно чего. «Молодые люди, пора домой!» – Это была ее мама. «Иду!» – Девочка поднялась, и Вадим вскочил следом и взял осторожно ее за руку. Она не забирала ладошку на какую-то секунду больше, и этой секунды хватило парню, чтобы потом тешить себя надеждой в ту долгую, никак не кончающуюся его шестнадцатую зиму.

Адрес одноклассница дала не сразу, видно ждала на запрос ответа от подруги. Вадим написал простое письмо, без тени намека на охватившее его чувство. Она ответила несколькими строчками. Переписка стала мукой для Вадима. Кроме чувств, он не знал о чем писать, а она не откликалась на его откровения, писала сухие, ничего не значащие письма.

В начале марта, который первым дождем погнал надоевшую зиму, глядя сквозь плачущие окна на грязные кучи подтаявшего снега, Вадим написал ей стихи:

Бьют слегка дождевики в стекло и бегут, как слеза, по щеке.
Первый дождь стучится в окно, он пришел, ну, а ты вдальеке.
Далеко от меня ты живешь. Может, вдруг ты сейчас у окна
Этот тихий сумрачный дождь, как и я, наблюдаешь одна.
Что он шепчет тебе в этот миг? Может то, что и мне, может, нет?
Может он обо мне говорит так, как мне говорит о тебе?

На ветках дождевики как звезды.
Первый дождь! Что ты мне подарил?!
Только грусть и ни капли надежды.
Только грусть и тоску возвратил.

На это письмо ответ не пришел. Не пришел и на следующее, с мольбой просто ответить:

Ну, что случилось? Что случилось, не пойму?
Ну, что ж так грустно, больно сердцу моему!
Ну, не молчи! Ну, напиши! Хотя бы слово, хоть одно, но напиши!
А ты молчишь, не знаю почему, и снова грустно сердцу моему.
Ко мне во снах всегда приходишь только ты.
И растворяюсь я в любимые черты.
Твои глаза, твой нежный взгляд.
Ну, неужели не вернется все назад?!
Но верю я в то, что с тобою вновь,
Ко мне вернется новая любовь.
Сойдут снега, умчатся с ними холода.

И не останется от грусти ни следа.
Ведь ты придешь, пускай во сне,
Пойдем навстречу мы друг другу и весне.

Эти слова лягут на популярную тогда мелодию. Вадим частенько станет петь под гитару эту песню теплыми сиреневыми вечерами. А вокруг будет благоухать весна, и песня в унисон ей каждый вечер не устанет ласкать еще не тронутые любовными страданиями струны в юных сердцах благодарных слушателей. Но никто не узнает, для кого написаны были эти строки и кем.

Той весной, получая в военкомате приписное свидетельство, Вадим заявил о желании поступить в танковое училище. Принятие решения, поездки на медкомиссии, сбор документов отодвинули куда-то вглубь амурные переживания. «Жить только вперед». Этот принцип будет всегда помогать ему проезжать грустные события.

Она приехала летом. Похорошела, налилась, и Вадим не решился брать эту планку вновь, да и не искала встреч она. Она провела это лето, закрутив роман с парнем, намного старше ее, приехавшим в отпуск с БАМа. Но кончился отпуск, и кончился тот роман.

Вадим не испытывал к ней злости или обиды. Не было и ощущения обмана. Они ничего не обещали друг другу, поэтому и не было измены. Но ему хотелось рассказать ей о своих чувствах, глядя на них теперь, как бы, со стороны. Вадим был благодарен этой зеленоглазой девочке, с необычным именем, за то сладкое томление, что разбудила она в его сердце. Он чувствовал, что оно безответное, но не смел хотеть большего. Да он и не знал еще, что это такое – «большее», он и так был счастлив. Счастлив, что любил и что... не умер от любви.

После кино, как тогда, он догнал ее и, как тогда, они пошли молча рядом. И, как тогда, сели на ту же лавочку. И сыпались звезды, как тогда, но теперь эти двое не видели их. Она целовала сама его неумелые губы, явно стараясь вывести из ступора ошарашенного Вадима, и меркла сладкая иллюзия прошлого лета, а на новый этап отношений Вадим перейти не умел и с ней уже не хотел. Она прижимала его руку к своей обнаженной, не по годам налитой груди, но он готов был лишь на «мои губы трогала губами» и жалел ее больше, чем себя. А звезды все сыпались и сыпались с ночного августовского неба, словно монеты в могилу, в которой хоронили любовь.

Как вино с прекрасным букетом, – эта юношеская влюбленность! И кто подскажет неискушенным душам, что только вдыхать надо его прекрасный аромат сначала. Что допускается лишь пригубить его сладкую влагу в этих невинных, останавливающих дыхание ласках. Подышаться, сначала, опьяненными над пресным миром невысоко, держась за руки, дабы избранные на любовь – эту благосклонность Бога, не

обожгли крылья и не разбились. Вдыхать! Вдыхать этот божественный аромат неизведанного еще чувства, но не пить залпом его дурманящую жидкость, дабы не вырвало.

Ангел-хранитель милостиво позволил Вадиму лишь вдохнуть аромат, даже не любви, а только влюбленности, спасая этим его юное сердце от разочарований и опустошений – этих постоянных спутников чувства, что Творец поставил выше над основным инстинктом человека разумного. В дальнейшем по жизни Вадим будет превозносить Женщину – творение Бога, дающую возможность испытывать это неземное наслаждение – любовь. Он не будет Ее искать, но будет всегда ждать. Ждать Ту, с которой можно будет пить уже настоящее вино любви, пьянея при этом, как в юности – от одного лишь аромата, но не бояться зависимости.

Это будет та зависимость, которую Вадим готов был принять осознанно. Но он получит еще и иммунитет. Иммунитет от любви не взаимной и поэтому не растратит, не потеряет на долгих верстах дальнобойной жизни умение любить, но приобретет еще и довольно редкую среди мужчин черту – желать только ту женщину, которую любишь. Это будет ему награда свыше за все сердечные страдания в ту долгую его шестнадцатую зиму.

Глава 3

Два последних школьных года Вадим целенаправленно готовился к поступлению в военное училище, уже не растрачивая время на амурные переживания. Была мечта, была цель, и в ее туманные контуры никак не вписывались серьезные отношения с противоположным полом, а других он не знал, не понимал, да и не принимал в душе. Если когда-нибудь и проскальзывал щекочущий укол в осознанно закрытую точку, способный вызвать сладкие ассоциации, то это был настолько безнадежный случай, что за защищенную иммунитетом душу бояться было нечего.

Был последний школьный новогодний вечер. Для Вадима пригласить кого-то из девушек на танец, было подобно намеку на начало отношений, где есть опасность нарваться на невзаимность. Он просто слушал музыку и представлял себя курсантом, танцующим с зеленоглазой девушкой. Ее руку на погоне, золотой локон волос, касающийся его щеки, и душа не была в смятении. Не локон волос, может даже пахнувший августовской прохладой, и не рука на погоне нежно томили нетерпение, а сам погон и танковые эмблемы на петлицах.

– Чего никого не пригласишь? – Она старалась перекричать шум

музыки, и лицо ее было совсем близко. – Вон сколько партнерш под стеночкой. Ну, пойдем. Какие-то вы парни здесь приторможенные. Не танцуете, а девочки скучают. – Взяла за руку и легонько потянула к себе Вадима.

Пока шли в круг, быстрый танец кончился. Сразу пошел медленный, и девушка положила руки парню на плечи, спасая от нелепости ситуации обоих, так как Вадим не вымолвил ни слова еще. Ей было лет двадцать пять. Пришла она в школу недавно на должность пионервожатой, а жила в райцентре, приезжая каждый день на рейсовом автобусе.

– Эх, молодежь, молодежь! Не цените вы этих золотых школьных дней. Танцуйте, веселитесь! Любите, в конце концов! – смешливым голосом зрелой женщины девушка старалась растормошить Вадима.

– Разве это так просто? – наконец вымолвил он фразу. – Ну, любить, – уточнил, краснея, на вопросительный взгляд девушки.

– Согласна. Это не просто. Да я и сама такая была в десятом классе. А ты что стоишь в сторонке, поссорились или нет девушки?

– Нет. Девушки нет.

– Что так?

– Да вот так как-то.

Вадим не знал, как к ней обращаться. По имени отчеству? Нелепица какая-то. Но белые локоны и непринужденная манера девушки уже расковывали его зажатость. Он положил ладонь на ее теплую ладошку, лежащую на его плече, маленькие пальчики шевельнулись, и Вадим ощутил тонкий, сладкий укол с августовской ночи. Музыка томно лилась, завораживая, и слитые их фигуры еле шевелились в медленном танце. Уколы все пролетали по нервам, как падающие звезды, и вздрагивали пальцы Вадима, и испуганно отвечали пальцы девушки. Как же он хотел, чтобы музыка не кончалась долго-долго!

Взрыв быстрого ритма вывел их из оцепенения. Она подняла глаза, улыбнулась, легонько сжала его ладонь, – как бы, благодарила за что-то, и через минуту уже со смехом вела какой-то конкурс – была организатором этого вечера.

Опьяненный и ошарашенный от затихающей сладкой боли нежных уколов, Вадим не заметил, как она пропала. Конкурсы уже вела другая ведущая, и Вадим понял – последний автобус. Накинув пальто, без шапки, он бросился в темень зимнего вечера, не зная и не представляя, зачем и куда, но с твердой решимостью уехать с ней. Улететь в ту августовскую ночь, откуда прилетела эта стрела ассоциаций.

Силуэт девушки был четко различим в свете фар приближающего автобуса. Вадим бежал, задыхаясь, и сердце билось где-то в горле, как в ту августовскую ночь, и небо сияло звездами, как тогда, но сейчас они не падали и даже не мерцали, оцепенев от холода. Вадим понял, что не

успевает и вдруг с ужасом осознал, как смешон будет, если водитель возьмет и остановиться ему – бегущему. И что тогда он – простоволосый, без шапки, скажет ее удивленным глазам? А может восхищенным?

«Ох, юнец несчастный! Что ты возомнил себе? Она молодая, красивая женщина, а кто ты?!»

Вадим замер, когда автобус поглотил женскую фигуру. Свет в салоне погас, и в черных квадратах окон была могильная темень. Он не знал, видит ли девушка его – поникшего, без шапки. Хотелось, чтобы увидела, остановила автобус, выбежала, прошептала: «Глупенький мой!», поцеловала и... уехала. На большее фантазии Вадима не хватало.

Морозец остуживал голову, и проходил хмель от запаха августовского вина. Мертвенно-бледно сиял месяц. Мир оцепенел от холода, и не верилось уже Вадиму, что была совсем недавно стрела эта, – принесшая на острие взбудораживший сердце сигнал из прошлого. Он чувствовал, что не ранила его стрела, а всего лишь уколола, как бы проверила – не омертвел ли, жив ли?!

Он был жив и не омертвел, и теперь был благодарен этой взрослой девочке за тест. А еще благодарил кого-то – неведомого, за то, что не успел Вадим. Благодарил за пунктуальность неопоздавшего автобуса. За темные окна салона, скрывшие наваждение, и не предоставившие возможность увидеть себя глазами девочки – одинокого и жалкого. За холодные, неподвижные звезды, вразумившие и успокоившие душу, благодарил.

Глава 4

Ничего не случилось больше в эти последние школьные месяцы. Он шел ровным уверенным курсом, который проложил себе, приняв решение стать офицером-танкистом. По утрам зарядка с голым торсом и пробежка в километр, как минимум, – так начинались дни. По вечерам не бередили его сердце запахи весны, которая опять неизбежно пришла, согнав снега.

Вадим налег на нужные для поступления предметы, но без фанатизма. Он был крепкий «хорошист» по аттестату, и прапорщик с военкомата, который вел группу претендентов на армейскую карьеру, успокоил:

– Не волнуйся. С такими аттестатами, как у тебя будет, в военные училища идут раз-два и обчелся. Но удивляюсь тебе. Шел бы в институт. Что, романтика, небось? – он ухмыльнулся в усы, и в этой грустной ухмылке были и его пролетевшие годы, и сочувствие таким вот романтикам.

Формировать команды для учебы на «профессиональных защитников Родины» было его работой. Прапор клепал эти команды из кого попало, агитируя, лишь бы набрать с запасом. А поступят, или нет, пусть решают сами училища. Конкурсы в них всегда держались довольно высокими, впрочем, как и во все ВУЗы Советского Союза. И отсеб был высоким. Реальность оказывалась не по зубам юным романтикам.

Вадим в своем стремлении чувствовал себя уверенно. Знал, что учебу потянет, а физически – и говорить нечего, спортом увлекался с детства. Но первая кочка на, вроде бы, ровной дороге не заставила себя ждать. На медицинской комиссии ему предложили поменять училище с командно-танкового на инженерно-танковое. В нем учиться надо было на год дольше, и для Вадима, распланировавшего свое будущее, как минимум, лет на пять вперед, офицерские погоны отодвигались, как ему казалось, в невидимую временную даль. Да и что такое зампотех? Гайки крутить? Он бы мог через четыре года уже командовать взводом, сидеть в люке командирского танка и: «Делай, как я!» А на маршах свысока бросать взгляд на обдаваемые соляровым выхлопом танковых моторов фигурки мальчишек. А на танцах – тонкие пальчики зеленоглазой девочки на погонах. Да и аргумент медиков: «Рост на два сантиметра превышает допустимый для командных училищ»? Что за бред? А зампотех что, не ездит в танке? Ну, абсурд какой-то!

Что это было? Добирали ли таким образом абитуриентов в инженерно-танковое, или Ангел-Хранитель аккуратно подкорректировал судьбу Вадима, не лишая его возможности принимать решение самому? Пойди, узнай. Выбор без выбора. «Пусть будет так», – решил Вадим. И уже сомневался, был бы он сейчас на этой вот комиссии, если бы ему сказали об этих злосчастных двух сантиметрах, когда получал приписное свидетельство? Он еще не умел врубать реверс – обратный ход. Под белыми халатами медиков были армейские погоны. «Не проси!» Ох, ждет разочарование горькое того, кто не уяснил этот принцип до армии! А еще Вадим учился подчиняться, а это немножко другое, чем играть по правилам цивилизной жизни.

Экзамены, вручение аттестатов, выпускной. Вадим хотел прожить всю эту кутерьму быстрее, осознав, что детство, а может и юность кончились на последних летних каникулах после девятого класса. Теплый майский вечер выпускного не щекотал душу ни запахом скошенных полей августа, ни строгим, немерцающим взглядом холодных звезд последнего декабря. Девочка с зелеными глазами осталась там – в детстве, даже не в юности.

Он был один. И в одиночестве этом своем ощущал свободу. И по жизни, в своем осознанном стремлении к ней – к свободе, он будет желать ее много и всегда, не понимая, что в стремлении к этой свободе, чуть ли не к абсолютной, будет искать осознанную... зависимость.

Глава 5

Было раннее утро середины лета, когда захлопнулась калитка, и Вадим с чемоданом в руке, замечая на себе взгляды хозяек, провожавших коров на пастбище, направился на автобусную остановку. Он проделывал то действие, которое нельзя было прорепетировать. Вадим ни разу не был сам в большом городе – в этой чужой, может даже и враждебной среде. Но реализация решений возможна только при движении вперед, подавив в зародыше сомнения, – это Вадим понимал, и твердел его шаг. Автобус буднично принял одинокого пассажира и ровно загудел двигателем, увозя его во взрослую жизнь.

– Как проехать к танковому училищу?

Вадим ожидал, что тетенька в окошке справочного с интересом подымет глаза. Ну, а как же иначе? Это же ТАНКОВОЕ училище! Но тетенька, не отрываясь от кроссворда, черкнула на листике номера троллейбусов и буркнула сумму. Вадим отсчитал мелочь, взял листик и немного разочарованный двинулся к остановке.

– Молодой человек! Училище. Вам выходить. Вы спрашивали танковое? – кондукторша вывела его из задумчивости.

– Да, спасибо. – Пульс ощущался в висках.

Троллейбус ушел бесшумно, как занавес сцены, и Вадим узрел КПП, а в глубине постамент с танком. Танк был как тот, что видел далекой сырой весной мальчик с красной звездочкой на шапке, надвинутой на глаза. Не военный Т-34, а более современный – Т-62. Вадим уже хорошо разобрался в моделях. Мечта мальчика сбывалась.

Низенький, узкоглазый сержант с танковыми эмблемами на петлицах, мельком взглянул на документы Вадима и буркнул, коверкая в акценте слова:

– Догоняй. Во-о-н те два пошла.

Вадим догнал двоих с чемоданчиками. Их гражданская одежда никак не пасовала казенным тонам окружающей среды. Они выглядели как экскурсанты, и Вадим никак не мог представить себя в форме с окантованными курсантскими погонами.

В актовом зале, где шла регистрация прибывших, было шумно. Капитан с землистым лицом покрикивал: «Отставить разговоры!» Курсанты с лычками на погонах после каждой команды вторили ему, как попугаи, но гул не утихал. Царила атмосфера возбуждения от предстоящих жизненных перемен, она заражала, и Вадим поддался всеобщему настроению. Знакомились, обменивались впечатлениями, слухами, умничали в информированности, компетентности, интуитивно, наощупь стараясь найти свою нишу в новой для них среде.

– Я Вадим. А как тебя зовут?

– Игорь. – Он пожал протянутую руку. Среднего роста, как раз для танка. Спортивный, темные, почти без зрачков, глаза на смуглом лице. Вадим улыбнулся:

– Тебе по росту как раз бы в командное. Почему сюда? Пять лет, возня с железками, мазута. Я хотел в Харьков, срезали по росту – дебилизм какой-то. – Он старался держаться раскованно.

– Туда конкурс большой. С моими тройками, в военкомате сказали, могу не пройти, а тут пройдем – конкурса почти нет. Говорят, солдат с танковых частей наагитировали, чтобы хоть как-то конкурс поднять. Они уже в Гореничах – в лагерях. Нас туда тоже после обеда, – подчеркнул свою осведомленность Игорь.

– А мне чем дольше учеба, тем лучше, – как бы делая одолжение, вступил в разговор, развалившийся на скамейке, с Вадима ростом, блондин. Он шелкал, явно импортной, зажигалкой и флегматично созерцал идеальный контур пламени. Джинсы у парня были «фирма» да и волосы на голове длинные, по моде. И как его военкомат пропустил? Вадим был коротко стрижен «под канадку» и одет в советский джинсовый эрзац – «техась». Игорь тоже.

– Мне нужно продержаться в Киеве минимум пять лет, а там предки пристроят, да и зазноба в «нархоз» поступает, – откровениями протаптывал путь к знакомству парень.

– А если не поступит? – скептическая улыбка скривила губы Игоря.

– Поступит. Там родаки по голову в блате. А тут, говорят, вроде, местным можно вообще ночевать дома. Прикинь, лафа какая! – «Фирмовый» не реагировал на скепсис.

– А чего ты с ней в «нархоз» не пошел?

– Да не тянут мои, да и я там не потяну.

– А здесь потянешь? – Игорь не удержал нотку презрения.

– А я через пару лет на гражданку слиняю, в институт переведусь какой-нибудь, лишь бы в Киеве. Нахрен мне эти танки и погоны. – Он рывком поднялся. – Пойдем, покурим.

Парень вытащил пачку «Золотое руно» и направился к курилке. Курсанты из-за столов регистрации провели его глазами, один поднялся и направился следом – парень курил классные сигареты. Вадим не курил, а Игорь сплюнул, достал пачку «Примы», но остался сидеть.

– А ты почему именно в танковое пошел? – Бут был огорошен цинизмом «фирмового» и хотел найти единомышленника своей детской мечты.

– Да конкурс здесь всего ничего, я говорил. Мне, вообще-то, плевать – танки, ракеты. Ну, и, – Игорь сделал паузу, ухмыльнувшись, – мне или в армию, или зона светит, но армия только через полгода. А

еще, говорят, у танкистов больше шансов попасть за границу. Имеется такое желание.

Он поднялся и, доставая сигарету, направился вслед за «фирмовым» в курилку.

Маленького мальчика заволакивало сизым выхлопом танковых дизелей, и запах сажи – темного, вязкого налета, забивал дух романтики.

После обеда, разношерстную братию, даже не покормив, погрузили в автобусы и повезли куда-то по шоссе на запад. Город остался позади. Вскоре свернули с трассы и, пропетляв немного по узкой дороге среди дачных домиков, уперлись в шлагбаум КПП. Это был полевой учебный центр Киевского высшего инженерно-танкового училища, где им предстояло находиться в период сдачи вступительных экзаменов.

Толпу сбили в подобие строя и выставили напротив шеренги солдат в черных комбинезонах с эмблемой танка на груди. Уже знакомый худосочный капитан объявил, что покормят вечером, а сейчас всех разобьют на отделения во главе с командирами и определят на постой. Отсчитывали по десять человек. Из шеренги комбинезонов выходил солдат, командовал: «Нале-во!» и уводил уже отделение к квадратам палаток.

Вадим, Игорь и «фирмовый» попали в одну десятку. От черной шеренги отделилась фигура:

– Нале-е-у! Шаго-о-о! Арш!

Пилотка на затылке крупной головы с носом картошкой, рыжие редкие усики по уголкам рта спускались длинными волосинами, грязный комбинезон. Новоиспеченный командир был какой-то карикатурный, непохожий на оседлавшего грохочущий танк-волну белозубого красавца в ребристом шлеме, что отдал честь маленькому мальчику.

– Стуй! Напра-а-у! Заходим по одному и занимаем свободные койки. Шагом марш!

Две койки были заняты, как потом оказалось, новоиспеченными «командирами». С соседней палатки долговязый ефрейтор изволил остаться рядом с корешом, и одному с десятки предложили отправиться на его место. Встревоженные взгляды поставленных перед выбором «новобранцев» дружно уперлись в фигурку тщедушного очкарика, и тот покорно посунул к соседям.

Вадим и Игорь выбрали койки рядом, а «фирмовый» подсутился с пачкой «Золотое руно», и «командиры» подвинули какого-то молчуна, освобождая место для фаворита в углу, возле себя.

На ужин пробовали шагать строем да с песнями, но получилась карикатура. Разномастные в своей «гражданке» абитуриенты побрели «право-левой», а за каждым десятком следовал пастух-«командир», на-

прягаясь в командах. Без танкистского комбинезона пастух отделения Вадима оказался в донельзя ушитой форме и был похож на балеруна в погонах. Сапоги с аляповато удлиненными каблуками походили на ковбойские, только без шпор. Он греб ими на полусогнутых ногах, засунув руки в карманы, которые в ушитых полугалифе оказались почти на заднице, и порявкивал:

– А ряз! А ряз! А ряз! Два! Три!

Народ забавлялся, шлепая кроссовками да кедами по гравию, и казался Вадиму весь этот балаган сборами по военной подготовке после девятого класса.

С утра не евши, проглотали в спешке какую-то кашу, а котлет и шайб масла на всех не хватило. Кто успел, тот и съел. Хотелось спать, но затеяли какую-то «вечернюю прогулку», и балерун выдал с кровати:

– Выходи строиться!

Никто не поднялся, только сидящие поглядели на лежащих вопросительно. Вадим и Игорь лежали, вполголоса обмениваясь впечатлениями от прожитого дня, и повернули головы на рык, раздражаясь в душе: «Ну, может уже хватит на сегодня?»

– Да ладно, Леха. Нафига оно тебе? Уймись, – долговязый ефрейтор, со стройбатовскими эмблемами на петлицах (Вадим отметил это удивленно), осадил «кореша». К полуночи все-таки угомонились.

Звук сигнальной трубы гвоздем вошел в сонный мозг, и Вадим не сразу сообразил, что это. Было довольно прохладно.

– Подье-е-е-м!

Леха-«командир» выдал команду, не открывая глаз, и повернулся на другой бок. Закутанный с головой ефрейтор напоминал могильный холм. Не почувствовав шевеления по соседству, и «фирмовый» спрятал было высунувшийся нос назад под одеяло. Остальные вяло вылезли на свет божий. Вадиму хотелось, чтобы был выходной и не идти в школу. «Школу?» – он понемногу начинал ощущать реальность.

Завтра был первый экзамен – математика. После завтрака была самоподготовка, и народ разбрелся по территории с учебниками. Вадим попробовал было что-нибудь повторить, но не лезла в голову наука, да и не боялся – знал, на «четверку» точно вытянет. Игорь в одиночестве скучал в холодке, пуская лениво сигаретный дым. Вадим плюхнулся рядом:

– Что, все знаешь? Готов тянуть билет?

– Не наелся – не налижешься. Сдадим, не дрейфь, – Игорь щелкнул окурком пальцем и провел взглядом его полет.

– Да я, Игорь, не то чтобы боюсь, сомневаюсь, что ли. Какое-то все неожиданное, не такое, как представлял. Ну, вот, хотя бы, Леха этот, – Вадим запнулся. – Он, оказывается, и не собирается поступать. Гово-

рит, чистые листы сдам. И этот – из стройбата. Сюда на курорт, говорит, с БАМа попал. Такое нарасказывал о службе! Верить, не верить. Куда лезете, ухмыляется. Там летех этих – после училищ, за людей не считают, не то, что за командиров, говорит.

– Так то в стройбате. – Игорь потянулся за новой сигаретой.

– Думаешь, в остальной армии не так?

– Смотри куда попадешь, – философски заметил Игорь. – Но везде первый год ты «салага», а второй – «дед». И это изменить не дано никому.

– Почему ты так уверен? – досада сквозила в голосе Вадима.

– Дядя у меня военный, рассказывал. Говорит, если дрейфишь, иди в институт с военной кафедрой.

– Ну, а здесь, в училище, есть это «дедовство», как думаешь?

– Посмотрим. – Игорь выплюнул сигарету и поднялся. Была слышна команда строиться на обед.

Глава 6

«Фирмового» и ефрейтора в строю не было. Их пайку, кроме жидкого первого, Леха слопал уже через силу. Его круглое лицо с картофиной носа расплылось в блаженной ухмылке:

– А вам, салаги, – как медному котелку. Вешайтесь!

Перед ужином появилась пропавшая парочка. Причем ефрейтор на ужин не пошел, завалившись спать, а Леха с «фирмовым» возбужденно шушукались панибратски.

На вечернюю прогулку не пошли. Помялись возле палатки, да и попадали на койки. «Командирам» было пофиг, а «новобранцам» надоела эта игра в армию. Вадим лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к мучившему его непонятному раздражению. Где то, – наверное, в казарме обслуги, звучал магнитофон, и Вадим уловил голос кумира своей юности:

В церкви смрад и полумрак, дьяки курят ладан!

Нет, ребята, все не так! Все не так ребята!

И не церковь, ни кабак – ничего не свято!

Нет, ребята, все не так! Все не так ребята!

Вдоль дороги лес густой с Бабами Ягами,

А в конце дороги той плаха с топорами...

Хотелось домой, в круг своей компании. Вечерняя лавочка, упругие линии струн под пальцами и убегающие в пелену сумерек зеленые глаза. И чтобы после августа – в школу. И школьный Новый Год! И пальцы взрослой девочки, вздрагивающие от нежных уколов его токов.

Задремал.

– Да тише ты! – и сдавленный смех. – Эй, у выхода! Ану глянь – шухера нет?

В «командирском» углу возились, поскрипывая койками. Ровный огонек зажигалки «фирмового» вдруг высветил причину шума: Леха старался плеснуть в бритвенный пластмассовый стаканчик из бутылки. «Солнцедар», – определил Вадим популярное пойло ханыг, валящее с ног сразу. «Так вот где пропадали ефрейтор с «фирмовым», – догадался он.

– Я сказал – проверить на шухер, что не ясно?! – уже громче просипел Леха. – Эй, салага, – кому говорю?!

Молчун возле выхода поднялся с койки и, слегка откинув полог, высунул голову в дырку: «Нету там никого».

– Леха, ты, все-таки, потише. – Ефрейтор передал стаканчик «фирмовому» и занюхал яблоком. – Не хочется вылететь с этого курорта опять на севера. У нас в батальоне десятка два было намылились смотреть на отды в училища, а отпустили троих. Вот это конкурс я прошел, прикинь!

«Фирмовый» все время угодливо похихикивал, его явно давило бражной тошнотой, но крепился.

– А мне и в Германии курорт. – Леха протянул руку, заваливаясь на койку, и «фирмовый» с готовностью выстрелил сигарету с пачки, щелкнул зажигалкой и поднес красивый огонек. Нос-бараболона выгулькнул на секунду с темноты и исчез, как жуткое привидение.

– Осталось восемь месяцев самой лафы. Вернись, соберу марки с салаг – к ста дням до приказа надо уже быть в прикиде. Знаешь, какие шмотки я могу купить у нас в Магдебурге. Не то, что в этой совдэпии. Эх, Магда, Магда, Магдебург – это вам не Петербург! – прогугнявил Леха голосом подзаборного шансонье. – До Западной Германии полста километров – час ходу на моей «шестидесятчетверке». А надо будет, за двое суток до моря дойдем! – Вдруг пробудился в нем ген «освободителя-завоевателя».

В углу забулькало опять.

– А вас там часто пускают в увольнения? – Неожиданно Вадим услышал рядом голос Игора.

– А нахрен мне эти увольнения с пастухом. Мы – в самовол, через забор. Гаштет, девочки-немочки. Воля! А ты – увольнение.

– И так все два года? – В вопросе Вадима Леха почувствовал провокацию.

– Э-э-э, Бут! Чтобы так жить, надо на первом году помяться без копейки, да без прикорма. Да подраить писсуары зубной щеткой. Да через день – дневальным без сна. Дед, сука, бросит в морду грязное тряпье свое и попробуй не постирай. А если влажное утром, – в рыло!

– И ты стирал? – Вадим чувствовал опасное приближение к грани, но это «и не церковь, ни кабак, ничего не свято» туманило рассудок, отпуская тормоза. Хотелось остановить этого «защитника Родины» в его бахвальстве, опустить до уровня, что заслуживает, и откуда лезет наверх в пьяной браваре.

Койка в углу взвизгнула противно, и повисла пауза на секунду, наверное, показавшаяся целой минутой всем, вдруг замершим в темноте.

– Тебе, салага, это еще предстоит, так что не умничай! – Голос Лехи в совершенной темноте звучал зловеще. – Или ты думаешь, в училище выдрочишь звездочки на погоны, заявившись в часть и будешь командовать? Ложили мы там на таких командиров! У меня сержант – командир моего танка, мне – рядовому, трусы стирает, прослужил полгода потому что! И свои 48 марок, гнида, будет отдавать мне, пока не проводит «дедушку» на дембель! Понял?!

Повисла пауза. В углу взблеснул огонек, забулькало, и, уже, наверное, пустая бутылка звякнула о ножку койки.

Эта темень, как в гробу, давила на Вадима. Хотелось встать и выбежать в прохладу ночи, от смрада дешевой бормотухи, тошнотного икания «фирмового», избавиться от опоясывающих пут подкрадывающегося неизвестного еще страха.

– А ты борзый, Бут! – Темнота оживала, Леху явно разбирало. – Чего молчишь? Не слышу, воин?! – Что-то громоздкое прошелестело в темноте над головой Вадима и мягко уткнулось в стенку палатки.

– Принеси сапог, салага. Я сказал!

Вадим не пошевелился. Казалось, темень гроба засыпают землей и через секунду уже не выбраться.

Второй сапог попал в лицо. Тяжелый, нарощенный каблук пришелся прямо в лоб Вадиму. Казалось, вспыхнул свет, и сорвал крышку гроба. Вадим схватил сапог и швырнул в угол, где как раз чиркнула зажигалка. Второй сапог уже запустил, вложив в бросок весь давящий клубок из злости, ненависти, гадливости, презрения, замешанных на липком страхе от неизведанной еще в своей короткой жизни конфликтной ситуации.

– Твою мать! – Слышно было, как от неожиданности таки вырвало «фирмового».

– Ах ты, сука! – Леха рванулся через койки, по лежащим, но, перепутав в темноте, навалился на Игоря, тыча кулаками куда попало.

– Пошел на хрен! – Игорь взвыл и зацедил в челюсть танкиста, а Вадим, обхватив того за шею, пытался оттянуть назад. Леха, давась матерщиной, локтем двинул Вадима под дых. Вадим разжал руки, и сильный удар с разворота ногой в грудь отбросил его на опорный столб палатки. Столб звонким выстрелом треснул, и палатка, как парашют,

накрыла побоище. Уже слышался топот мчавшихся на ЧП дежурных, а поддвигающейся тканью палатки еще продолжалась матерная возня.

«Командиров» увели. «Фирмового» заставили убрать блевотину и завтра после завтрака велели прийти в канцелярию за документами. А наиболее пострадавшему Вадиму сержант-медик прилепил пластырный крестик на лоб, где ссадина помалу наливалась в шишку. На этом инцидент был исчерпан. Отделение самостоятельно, без «командиров», водрузило, кое-как, шатер палатки на место, и темнота быстро успокоила разгулявшиеся страсти.

Глава 7

– Пиши. – Худосочный капитан положил перед Вадимом лист бумаги и ручку.

– Что писать?

– Все. Все, как было. Как достали бухло, кто инициатор, из-за чего морды били. Все пиши.

– Ничего писать я не буду, – вдруг неожиданно для самого себя уперся Вадим. – Ничего не видел в темноте.

– А синяк откуда?

Шишка за ночь, почему-то, превратилась в синяк под глазом.

– В суматохе кто-то двинул.

Вадима раздражал этот худой, желчный капитан своим следовательским тоном. Раздражала невозможность объяснить даже самому себе, почему полез с дурачками, как теперь казалось, вопросами к этому Лехе. Впрочем, себе позавчерашнему он еще мог бы объяснить, а себе сегодняшнему уже нет.

– Слушай, Бут. Ты умный парень. Я здесь полистал твое дело – прямая дорога тебе в офицеры. Не начинай не с той ноги. – Капитан закурил и вперся взглядом в синяк. – Сапогом заехал? Что не поделили, колись?

Вадим молчал. Что он мог рассказать. Как смрадный соляровый смог от танкистского комбинезона Льохи убил романтические иллюзии маленького мальчика? Как он отбивался от реальности своими наивными подколками этому выродку? Другим словом назвать эту мразь, опускающую армию ниже плинтуса, Вадим не мог.

– Ладно, дуй на экзамен, позже разберемся. – Капитан раздавил окурочек в пепельнице.

– Я хочу забрать документы. – Во лбу било молотком.

– Ты что, чудик! Ты чего боишься? Эти двое отсидят по десять суток и ту-ту. Один сечку жрать на БАМ в свой стройбат, ну а другой,

– офицер сжал челюсти, – другой далеко в Германию вот с отакенной телегой, и жизнь ему там медом не покажется. Так что, давай, дружок, успокойся. Сдавай экзамены, для тебя это формальность, и готовься осенью стать в строй. – Капитан открыл и закрыл ящик стола, давая понять, что аудиенция закончена.

– Я хочу забрать документы. – Вадим даже побледнел от своей упертой решимости. – Я передумал в военное, пойду в автодорожный институт, – как бы оправдываясь, выдавил.

– Послушай. – Капитан резко сел. – На последний поток в автодорожный – безнадежное дело, поверь. А здесь ты уже практически курсант. Ты же еще с приписного свидетельства готовился в Харьковское командное – так же и написано в деле. Не глупи. Ты же решаешь сейчас сам свою судьбу!

Вадим хотел рассказать про два злополучных сантиметра роста, обрубившие ему дорогу в Харьков, и как обидно было. И как хотел в танкисты с детства. А сколько книг, сколько фильмов! А ни одна не пропущенная передача «Служу Советскому Союзу»! И цель в жизни! Но вдруг осознал всю наивность этого порыва и еще ниже опустил голову:

– Отдайте документы. Пожалуйста.

Он впервые врубил реверс, не осознавая еще этого. Хотя нет. Врубить реверс – означало для Вадима отказаться от армии, как таковой. Нет, Вадим – дитя своего времени, не представлял себя не служившим. Поэтому, как оказалось, лишь слегка потянул рычаг фрикциона, но этого было достаточно, чтобы жизнь пошла другой колеей.

Офицерская карьера навсегда останется его детской мечтой. И кто знает, может это Ангел-Хранитель потянул этот рычаг рукой Вадима, оберегая его от разочарований, краха иллюзий, пьянства и тоски в дальних, обшарпанных гарнизонах. От Афганистана, Приднестровья, Чечни, в конце концов. А может и от генеральских лампас? А ведь для достижения этих лампас надо было пожертвовать осознанной необходимостью – свободой. Вот про эту цену Вадим не знал, а она была неподъемна для него, про что наверняка знал тот, кто его рукой потянул этот рычаг Судьбы.

В проеме палатки Вадим столкнулся с выбегавшим Игорем.

– А я ищу тебя! Давай быстрее, уже человек десять сдало. Там такая сдача – тянут за уши, говорят! – Игорь умерил пыл, заметив новое для него выражение лица Вадима. – Что, Вадик?

Вадим показал папку с документами.

– Что? Отчислили?! – в широко раскрытых темных глазах Игоря, Вадим, наконец, увидел зрачки.

– Сам ухожу.

– Ты что? Из-за этой вот мрази?! Ты что, испугался?! Да мы их размажем, дай только поступить!

– Их отчислили. И этого в «джинсе» тоже, а я сам забрал документы.

Вадим говорил спокойно. Усталость-безнадега уже проходила, как всегда после принятого решения, и он потихоньку входил в настрой «жить только вперед». И Игорь понял это:

– Ну, ты даешь!

Они сели на койку. Повисла пауза.

– А мне, Вадим, не поступить нельзя. – Игорь потянулся за сигаретами. – Дело на мне. Не ахти какое, не буду распространяться, извини, но, если даже условно, – жизнь ломает. Я не вижу себя офицером, не мое это – козырять направо-налево, но поступить надо. А там, придет срок, отчислюсь в армию, дядя поможет. Надеюсь, в Германию попасть тоже подсобит, а там видно будет. – Он медленно тоненькой струйкой выпустил дым.

– Далась тебе эта Германия.

– Эх, Вадимка! Вряд ли у нас потом будет шанс посмотреть, как люди живут! Да и обидно. Эта мразь, – он сплюнул, – попала туда, а мы что – хуже?

– Ты хотел бы к нему в часть? – Скептическая ухмылка скривила губы Вадима.

– Везде одно и то же, – сделав паузу, ответил Игорь.

В его философии не чувствовалась покорность, а сквозил пофигизм, который, как позже узнает Вадим, может очень даже неплохо пришить от бацилл реального армейского существования.

– И куда ты теперь? – Игорь поднялся, кончая разговор.

– Попробую в автодорожный на последний поток. Не выйдет – пойду на курсы шоферов от военкомата, хоть специальность какая-нибудь будет, а весной – в армию. – Вадим начал собирать чемодан.

Игорь стоял в раздумье, не знал, как попрощаться.

– Ну ладно, побегу я, а то экзамен пропущу. – Он протянул руку и в зрачках его глаз Вадим заметил промельк легкой вины. – Удачи.

– И тебе.

В проеме выхода Игорь вдруг остановился и, повернувшись, спросил:

– Вадим. А почему, все-таки, ты уходишь? Я, если честно, так и не понял, в чем причина?

– А-а-а, это уже в прошлом. Все в прошлом, Игорек, – улыбнулся Вадим натянутой улыбкой. – Да и какие наши годы? Все впереди!

Он старался выглядеть хотя бы не подавленным. Это удавалось с трудом, и Игорь пожалел его:

– Ну, пока.

Возле здания канцелярии Вадим заметил «фирмового». Тот, сидя на лавочке, нервно курил, поглядывая на приоткрытое окно в кабинет худосочного капитана. Было видно, как капитан, брезгливо скривив тонкогубый рот, слушал жестикулирующего, как в пантомиме, лысого толстяка в модной замшевой курточке. Толстяк вскакивал, наклонялся к капитану, вновь садился, а капитан курил, глядя в стену, и лицо его говорило: «Как же меня все это достало».

На КПП солдат со штык-ножом на ремне, опустив полосатый шлагбаум, попросил у Вадима сигарету.

– Не курю, извини. А чем можно доехать в город?

– Через минут десять будет автобус в училище. – Солдат поправил сползающий ремень.

За шлагбаумом на обочине стояла «Волга». Водитель тер лениво лобовое стекло, а худая длинная дама в белом брючном костюме нервно ходила туда-сюда.

«Эти «Солнцедар» не пьют», – подумал Вадим.

«ПАЗик» с военными номерами довез Вадима до ближайшей станции метро. Он вышел, и автобус, отъезжая, как и троллейбус два дня назад, отодвинул штору новой мизансцены в жизни юноши. Цель отсутствовала. Надо было просто жить и решений никаких принимать уже не надо, ведь ни по какому фарватеру нельзя было обогнуть этот айсберг – армию.

Вадим понимал, что через последний поток автодорожный институт ему не взять. Значит – армия. И не та армия, что по еженедельной передаче «Служу Советскому Союзу». «Трудности и лишения воинской службы», которые, подписывая присягу, обязуешься переносить с «достоинством и честью», в этой увиденной воочию Вадимом армии были совсем другие. Их предстояло испытать, преодолеть, выжить и не скурвиться. И, принимая с фатальной решимостью неизбежное близкое будущее, Вадим помалу успокаивался.

Если не можешь ничего изменить – приспособляйся. В конце концов, человек, приспособляясь к природе, вон чего достиг! И так, – плевать на журавля в небе! Ловим синицу – курсы военных водителей от военкомата. Это в сентябре. Значит, в автодорожный, все-таки, попробуем, чего маяться целый август. Август...

Как далеко ушел Вадим от тех падающих звезд августа. И как хорошо, что он свободен от тех звезд. Он может все начинать с чистого листа – и отношения, и будущее. «Отношения. Слово-то какое», – с грустной улыбкой подумал Вадим. Девочка с августа не отпускала...

...Мобильник молчал. Автобус осторожно протаптывал колею на белом покрывале шоссе, а снег мгновенно заметал отпечатки протектора. Вадим тупо смотрел в матовое марево за окном, его знобило. «... Ты не верь – это я возвращаюсь! Я иду от тебя – до тебя!..» – Антонов страстно взывал с динамика прямо над головой Вадима, и хотелось остановить автобус и...

А дальше он не знал. Вернуться побитым псом? И что сказать?! Прости? Прости, я больше не буду? Не буду ЧЕГО?! ЧЕ-ГО не буду?! Ответа не было.

Это был не первый его побег...

Глава 8

Подсказка вырисовалась. Первые две «четверки» свели шансы Вадима стать студентом автодорожного института до минимума. Только два последних экзамена на «пять» давали еще какую-то возможность потягаться в довольно высоком конкурсе на последнем потоке. Но знал Вадим – на «пятерку» по физике рассчитывать нечего. Он трезво оценил это, как подсказку: что толку продлевать агонию, давай – вперед!

– У вас, молодой человек, есть шансы, – листая его дело с военкоматовскими пометками, вопросительно подняла глаза средних лет дама в очках, когда Вадим зашел забрать документы. – Аттестат хороший. Может, передумаете?

– Нет. В армию решил, – не нашелся он в аргументах. – А после армии – увидим.

– Ну что же, дело ваше, – дама протянула Вадиму папку.

Он шагал, убыстряя шаг, в сторону метро. Порывы пахнущего осенью ветра срывали первые пожелтевшие листья с каштанов. Листья падали, медленно кружась, и оставались позади, как мятые черновики ненаписанной книги.

– А-а-а, романтик! Ну, здравствуй, – усатый прапорщик приветливо кивнул Вадиму. – Проходи, садись. С чем пожаловал? Можно поздравить? Уже курсант?

Вадим весь извелся от нерешительности, во дворе ожидая начала рабочего дня, а в кабинете совсем растерялся. Сел, не зная, как начать. Ему был симпатичен этот старый служака, поменявший, наверное, не одно место службы, и, наконец, нашедший тихую гавань в кабинете райвоенкомата. Вадим ощущал какую-то вину, как бы, не оправдал какого-то расположения прапорщика к себе, что ли. Какую причину назвать? Что не прошел, не поверит.

– Товарищ прапорщик, я передумал поступать, – Вадим вдруг решил рассказать все, как есть. – Пойду в армию, а там видно будет. Запишите меня на курсы шоферов от военкомата, – не поднимая глаза, выпалил он.

Прапорщик, не спеша, закурил. Он понимал этого парня, видя в нем себя самого. За плечами прапорщика была послевоенная срочная, длиною в пять лет, где сверхсрочники Второй мировой с истерзанными телами и душами, залив безнадегу водкой, искали врагов среди безропотной массы тощих от недоедания новобранцев, войну выдавших, но не стрелявших и не убивавших врага.

Будущий прапорщик увидит своих «врагов» через триплекс танка в 68-м, в Праге. И, счищая ошметки этих «врагов» лопатой с гусениц своего Т-54, поймет, что пути ни назад, ни вправо-лево уже нет. Только вместе с армией этой ему по пути теперь. С такими же, как сам, «освятившимися» убийством не на войне. Ведь только с ними, вылив стакан водки в глотку, он сможет об «этом» вспомнить в голос и, может, решится покаяться.

Ангел-Хранитель рукой этого прапорщика выведет на личном деле Вадима: «Команда 300» – практически элитный род войск в понимании старого служаки. И этой же рукой вычеркнет из уже сформированных списков тридцати будущих военных водителей фамилию местного «блатного» и впишет твердым почерком: «Бут Вадим Иванович». И прапорщик в этом почувствует искупление хоть малой доли своей заслуженной-незаслуженной вины.

И прошла потихоньку маята в душе Вадима. Если впереди неизбежное, то чего маяться. Живи да готовься помаленьку. А хочется быстрее, быстрее вломиться в то неизбежное. Психологи вещают, что если испытываешь нетерпение, видя впереди цель, значит, выбрана она правильно. Посему, – прочь сомнения! Три месяца курсы «взлет-посадка» военных водителей, там еще месяца три-четыре перекантоваться в колхозе и – «не плачь, девчонка...». А плакать за Вадимом некому, и это тоже неплохо. И опять ощущение непонятной свободы бодрит: какие наши годы!

Август отошел, не соблазнив падающими звездами. В сентябрь, с началом занятий на курсах, Вадим шагнул уверенно. Он до этого ни разу не сидел за рулем автомобиля, хотя до техники руки лежали. В седьмом классе юный Вадим вытащил из под хлама несколько лет простоявший в сарае мотоцикл «Восход», довольно прилично измочаленный дедовым стремлением овладеть им. «Вороной», – как дед игриво называл мотоцикл, так и не покорился и был засунут в дальний угол сарая.

Вадим, руководствуясь лишь краткой инструкцией по эксплуатации и простым мальчишеским любопытством, вскоре испытал сладковатый запах выхлопа вдруг ожившего двигателя. Запах сгоревшей смеси бензина с маслом чем-то напоминал запах тугой теплой струи выхлопных газов танка, что легонько толкнула в грудь маленького мальчика в шапке со звездой. Вадиму «Вороной» покорились, пробудив тягу к технике. Поэтому, учился Вадим на курсах с интересом и легко.

В середине сентября в колхоз прибыла подмога с города. Так как в «битве за урожай» колхозники всей страны каждый год терпели перманентное поражение, практика «подмоги» студентами, солдатами, городской интеллигенцией внедрилась повсеместно и воспринималась селянами как обычное дело. Эти «трудовые десанты» в селе ждали. Они развлекали унылую сельскую жизнь танцами, новыми знакомствами, а иногда и драками с пьяным примирением.

И вот однажды, возвращаясь с занятий и выйдя из автобуса в центре села, Вадим был ошарашен пестрым калейдоскопом одежд противоположного пола возле клуба. Оказывается, для решительной схватки за очередной урожай в село прибыл «гвардейский корпус» – студентки педагогического училища. В таких «войсках» студенты мужского пола практически отсутствовали, поэтому местные кавалеры воспрянули духом.

Нагладив модные, 27 на 32, а то и больше, брюки-клевш (в простонародии – «чарли»), закатав рукава супермодных приталенных нейлоновых рубашек, «мужеский пол» села, лишь стемнело, начал подтягиваться к провинциальному очагу культуры – клубу.

Для смелости многие накатывали стакан-другой «Солнцедара» или «Золотой осени» и вальжно вваливались в шевелящуюся под ритмы музыки толпу, устремляя осоловелый взгляд на приглянувшуюся претендентку. Претендентки делали вид, что кроме льющей музыки, для них ничего в этом мире не существует. А когда кавалер, вздрагивая от касания невпитывающего сбегаящий по спине пот нейлона, решался, наконец, промямлить «разрешите», дамы удивленно поднимали глаза и снисходительно делали одолжение.

«Музыка вновь слышна, встал пианист и танец назвал, и на глазах у всех к Вам я сейчас спешу через зал...»

Парни, дабы не остаться неприглашенными, поспешили взять инициативу в «белом танце» на себя и зашерстили по девичьему цветнику, выбирая покрасивей. Вадим как-то замешкался в нерешительности. Ему вдруг показалось, что хорошеньких уже размели, и он начал выбираться с круга.

– Эй, куда ты?! «Белый танец», я приглашаю! – Вадим почувствовал прикосновение к руке. Он обернулся и встретился взглядом с глазами улыбающейся девушки.

– Пойдем? – Она маняще наклонила голову с копной темных, вьющихся волос. Немного смущенный, он одну руку положил девушке на талию, а в другую взял ее маленькую, теплую ладошку.

– Я – Люда. А тебя как зовут? – Девушка смело смотрела в глаза.

– Вадим. Вадим Бут, – сам не понимая зачем, добавил Вадим.

– Красивая фамилия. Людмила Бут! Звучит? – И она засмеялась. Вадим, чувствуя, как рушится барьер скованности, улыбнулся с благодарностью.

– Но и у меня не хуже – Красовская! Вадим Красовский! Звучит? – И она рассмеялась еще звонче.

– Звучит, – Вадим тоже рассмеялся.

– Нет. Лучше Людмила Красовская-Бут! – Она заливалась смехом, и голова ее непроизвольно касалась груди Вадима.

Танец закончился, и они выбрались, держась за руки, с толпы.

– Пойдем, прогуляемся, а то я уже оглохла от музыки. – Люда взяла Вадима под руку, задавая неторопливый темп, и он с готовностью подчинился.

– Ты местный? Учишься? Работаешь? – Ее манера избегать пауз подкупала и раскрепощала неискушенного в общении с противоположным полом Вадима.

– Коренной, – Вадим обрел уверенный тон. – Весной в армию, а пока учусь на шофера от военкомата.

– Хочешь в армии быть шофером?

Вадим как-то еще и не задумывался об этом. Где-то в подсознании, наверное, еще проявлялся образ белозубого танкиста в ребристом шлеме:

– Да не знаю. Я после армии поступать в институт собираюсь, ну, а права пригодятся в жизни. А ты из педучилища?

– Педагог. – Она улыбнулась. – День в школе, а вечером – конспекты, планы, тетради. Мужья не в восторге, наверное, от таких жен.

– Ну почему же? Можно и самому ужин приготовить.

– О-о-о! Повезет какой-то счастливике с половинкой! Но у мужей по вечерам иногда не только ужин на уме, – Люда рассмеялась звонко. – Давай присядем, – резко свернула фривольную тему.

Они сели на лавочку. Был тихий прохладный вечер. Остро пахло осенью. Небо не осыпало звездами, но Вадим не ощущал грусти. Какое-то манящее ощущение новизны наполняло сердце. Было легко и просто с этой девушкой, как будто знал ее много лет. Не надо было подбирать слова, чтобы вдруг не показаться смешным, не надо улавливать интонации в голосе, не надо бояться пауз без «рука в руке».

Разговор прерывался вдруг, они молча сидели, болтая ногами как дети, и смотрели на звезды. Ну, куда еще можно смотреть, если не смотреть друг на друга? Конечно же, на звезды!

– А ты завтра придешь? – легко и непринужденно спросила Люда, как будто и не было паузы.

– Конечно, приду! – Вадим даже удивился вопросу.

– А я завтра уезжаю домой и приеду послезавтра вечером. Ты подождешь меня? – Она старалась держать на губах улыбку, но глаза глядели с вопросительной тревогой. – Вон у вас выбор какой. – Улыбка пригасила тревогу на ее лице.

Вадим в непроизвольном порыве схватил ее руку:

– Мне...! – Он хотел сказать «хорошо», но вдруг почувствовал банальность, даже некую пошлость этого слова и проговорил вполголоса, глядя в ее карие глаза. – Мне так просто и легко с тобой, Люда!

Он держал ее ладонь и боялся пошевелить пальцами, страшась вдруг не уловить ее ответные токи.

– Мне пора, Вадим, – Люда с виноватой грустью посмотрела ему в глаза и поднялась.

– Да, да, конечно. Я проведу. – Он уже внутренне готов был подчиниться ей – этой вдруг неожиданно появившейся в его жизни девушке, с чертами девочки с августа и женщины с декабрьской ночи.

– Ну, пока. Смотри, дождись! – Люда засмеялась и упорхнула с поджидавшими ее подругами. Перед входом в двери общежития обернулась и помахала Вадиму рукой.

Глава 9

Был теплый воскресный день, и на школьной спортплощадке было людно. Как то само собой организовался футбольный матч, в котором, вспомнив молодость, даже вполне солидные мужики возжелали принять участие. Вадим, увлекавшийся футболом с детства и даже иногда игравший за сельскую сборную в разных районных соревнованиях, тоже с азартом примкнул к игре. Радостное настроение от предвкушения встречи с Людой прямо фонтанировало, и он с упоением гонял мяч, убивая, чуть ли не остановившееся, казалось, время. А до вечера еще полдня – как полжизни.

За последние полгода – сплошная полоса неудач, разочарований, переосмыслений, необходимостей принимать сложные решения, гнет сомнений в их правильности. И это неожиданное появление в своей жизни девушки с такой завораживающей непосредственностью Вадим принял, как милосердие судьбы. Ну, не может быть все бесконечно плохо! Чернобелополосатая жизнь вилась по синусоиде и сейчас начала потихоньку тянуться вверх. Так цени это и живи этим! И не думай о том, что, пройдя очередной экстремум, кривая жизни посунет вниз. Вот

тогда и будем напрягаться. А сейчас упивайся этим состоянием души, цени его, и старайся продлить как можно дольше!

И Вадим упивался.

– Э-ге-гей! Вади-и-и-м! – В суматохе игры слух не сразу уловил ее голос.

– Вадим, это, кажется, тебя, – парни притормозили суету.

Тот оглянулся на голос и на тротуаре, за ограждением, увидел Люду с двумя сумками – наверное, только что с автобуса. Лицо ее сияло, она махала рукой, и, как маленькая девочка, подпрыгивала.

«Я – пас», – промолвил Вадим, обращаясь к игрокам, и, чувствуя уставленные на его и Люду удивленные взгляды, направился к ограждению, удерживая себя, чтобы не побежать. Да что там! Чтобы не взлететь вдруг на глазах у изумленной компании! Кого еще вот так просто, среди бела дня, позовет незнакомая красивая девушка? Это не прогулки в темноте, после которых на другой день не узнают друг друга.

Ее непосредственность не имела границ. И разве можно не поддаться обаятельному притяжению этой редкой для сельских, да и не только, девушек черты! И Вадим поддался. Он еще не умел останавливаться. Даже не задумывался, возможно ли это – затормозить, остановиться на взлете души. Он еще не знал о точке принятия решения, после которой торможение равноценно гибели и без страха тянул штурвал на себя. И точка осталась позади. Ну, и черт с ней! Лети ввысь и вперед, а там – будь что будет!

Осень в тот год и впрямь была золотая. Природа благосклонно способствовала, чтобы эти двое могли встречаться в усыпанном желтыми каштановыми листьями парке после занятий. Больше встречаться им было негде. В общежитие, с его правилами для института благородных девиц, мужскому полу вход был закрыт, и осенний парк любезно предоставил лавочку в распоряжение. Каждый день им выпадало час-полтора времени до последнего автобуса Вадима. На выходные Люда уезжала к родителям, и в такие дни Вадим дома маялся, не зная чем себя занять.

Их отношения начались как то сразу и без ухаживаний, вздохов, взглядов, намеков – всего того, что, в понимании Вадима, должно предшествовать зарождению любви. Но это слово не звучало, Вадим даже не решался поставить себе самому этот вопрос, да и надобности, вроде, в этом не было. Им было комфортно, уютно вместе и казалось – пока не будет озвучено слово «любовь», и ревности с ее маятой не будет.

В один из первых вечеров Вадим, уловив паузу в их бесконечных диалогах, остановился, легонько привлек ее к себе и коснулся мягких губ несмелым поцелуем. Она так же несмело ответила. Все случилось, как бы, само собой, они постояли молча, обнявшись, и пошли дальше, опять непринужденно беседуя.

Люда была ровесницей Вадима. Она не могла ни затмить, ни заменить, ни оживить романтические образы девочки с августа и женщины с декабря – эти грезы юного неискущенного сердца. Люда была просто реальная, земная. А еще, Вадим чувствовал, – с ней не обязательно спешить в отношения полностью взрослые, которых он еще не знал, но интуитивно понимал, что это уже какой-то новый этап. Он с наслаждением пил удивительный нектар платонических отношений, еще не изведав других, и был счастлив.

Как то в один из последних дней бабьего лета, они сидели на своей лавочке в парке и любовались красками удивительной в том году осени.

– А представь, как красиво сейчас в лесу! – Люда подбрасывала на ладошке красивой формы каштан, что Вадим, шутя, подарил ей, и мечтательно провожала взглядом медленно опускающиеся листья.

– Вот еще! Люда, глянь какой красивый! Точно цвета твоих глаз! – Вадим положил ей на ладонь яркий плод осени. – А и вправду! Поехали в лес. Я знаю классное место. – Мир был так удивительно красив и звал к безумству.

Они вышли на остановке в дубраве, куда в детстве Вадим с друзьями часто ходили в походы. Было очень тихо, только шелест падающего желтого листа да редкий голос птицы нарушали царственный покой готовящейся к зимнему сну природы. Толстый ковер из сухих листьев звал присесть, чтобы шелестом шагов не тревожить удивительную тишину.

Они сели и долго молча сидели, обнявшись, в сладком упоении от ощущения тепла друг друга. Потом целовались одним касанием губ, боясь резким, неконтролируемым порывом порушить божественную гармонию вокруг. А листья тихо ложились, стеля, как змей-искуситель, ложе любви, но эти двое и так были счастливы.

Глава 10

В конце сырого, слякотного ноября, легко сдав, как и вся группа, экзамены, Вадим получил права. А в личное военкоматовское дело Вадима, после последней пометки «команда 300», усатый прапорщик внес новую запись: «Закончил ускоренные курсы военных водителей с получением удостоверения шофера категории «С». Написал и отложил папку в стопку весеннего призыва. Ангел-Хранитель следил, чтобы события четко ложились на линию Судьбы.

Теперь Вадим и Люда могли встречаться лишь по выходным, если только Люда не уезжала к родителям. Разлуки давили гнетом тоски, и

однажды, в один из таких выходных, Вадим написал ей первое письмо. Писал долго, останавливаясь и погружаясь в воспоминания прошедшей осени, и этим плацебо лечил боль, что вдруг появилась в сердце, как в ту его шестнадцатую зиму. Слова ложились на белый лист легко, хотя слово «люблю» Вадим не посмел написать – для него это было еще, как бы, всуе.

И полегчало на душе, когда письмо Красовской Людмиле исчезло в щели почтового ящика. И в дальнейшем, уже в армии, он своими письмами будет спасать себя от отчаяния, когда количество месяцев до конца срока службы будет еще выражаться двухзначными числами. Будет писать одно за другим практически каждый день, милосердно предоставляя Люде возможность не поспевать с ответами. И этим спасет себя того – шестнадцатилетнего, замершего от вида капель первого весеннего дождя на оконном стекле.

В колхозе, где шоферов хватало, получить машину, даже на подмену, без блата надеяться было нечего, и Вадим пошел работать в мастерские автослесарем. Конечно, неплохо было бы хоть какую-нибудь водительскую практику занять до армии, но нет, так нет, – он не сильно расстраивался по этому поводу. Главное, перекантоваться эти месяцы до весны, ведь не работать не принято в Стране советов.

Работа убивала день, но оставались еще длинные зимние вечера, а их не заполнить ни друзьями, ни кино, ни танцами в клубе. Вадима тянуло в город, к Люде, а город был так рядом – всего десять километров. И однажды вечером, подходя к клубу, Вадим вдруг увидел в свете приближающихся фар фигурку на автобусной остановке, и в тот же миг игла яркой ассоциации уколом запустила короткий фильм про юношу чуть не влюбившегося во взрослую женщину. Фильм хотелось смотреть и смотреть, но добежали последние кадры, и Вадим бросился к остановившемуся автобусу, с каждым шагом ощущая все увеличивающийся ужас, что не успеет. Автобус стоял с работающим двигателем, и выхлопные газы на сильном морозе превращались в белое облако. Это был последний рейс в город, и водитель подождал запыхавшегося парня.

Вахтер тетя Маша была очень удивлена появлением Вадима в вестибюле общежития в восемь часов вечера. Она знала, что Люда Красовская с сороковой комнаты завела себе парня с села, где педучилище было на уборке урожая. Парень часто приходил после обеда и просил позвать Люду, и та выбегала сияющая.

– О! А ты откуда? А назад на чем? – Тетя Маша укоризненно покачала головой. – И охота тебе в такой мороз? Сейчас позову твою ненаглядную.

Было жарко от хорошо нагретых батарей. Вадим расстегнул пальто и присел на стул. Он смотрел свое кино дальше и был счастлив.

– Вади-им! Ты с ума сошел! – Люда прильнула к его груди и отстранилась слегка, стесняясь неожиданной публичности. Она была в ситцевом халатике, нижняя пуговица которого все норовила расстегнуться, и в тапочках на босу ногу.

– И я о том, – Тетя Маша уже распереживалась от беспечной неразумности этих детей. – Ты-то хотя бы пожалела его! В такой холод. – Она сердито смотрела на Люду.

– Нет-нет, тетя Маша! Это я сюрприз ей сделал. – Вадим неуклюже защищал Люду. – Меня знакомый на молоковозе заберет, – вдруг нашел он успокаивающий аргумент.

– Правда?! – с молящей вопросительностью глядели карие глаза Люды, и Вадим так поспешил успокоить ее, что и сам поверил:

– Ну, конечно, правда! Мы договорились – он заберет меня возле молокозавода.

– А во сколько? – Люда ловила его глаза.

– После десяти, – уверенно ответил Вадим. В десять вечера общежитие закрывалось.

Она засияла, успокаиваясь:

– Подожди минутку, я оденусь и выйду.

Этот вечер был великолепен! И хрустящий под ногами снег, и большущая луна, ровным светом покрывающая вечерний город, и бриллиантовые россыпи звезд – природа выпрашивала снисхождения за мороз. Вадим грел поцелуями ее замерзший носик и пальчики, а кристаллы инея от застывшего на воротнике ее шубки дыхания покалывали щеку.

– Тебе пора, наверное. – Они оба замерзли, и Люда избавляла его от инициативы. – Вадим! Иди, а то вдруг он не дождется!

– Да-да, надо идти. – Его заоченелому телу сейчас позарез было нужно движение.

Прощальный поцелуй был лишь касанием заиндевелых губ. Когда Люда юркнула в тепло общежития, Вадим ощутил облегчение избавления от переживаний за нее. За себя он не боялся.

Дорога была пустынна. Вадим вышел из города, и быстрый размеренный шаг вскоре разогнал застылую кровь, и телу стало тепло. Только руки в тонких перчатках все никак не согревались, но он и не замечал этого. Вадим полной грудью вдыхал морозную ночь, где красивая женщина, с зелеными глазами девочки с августа подала ему руку из ожидающего автобуса и увезла с собой.

Так они теперь и будут встречаться. Вадим вычислит час движения молоковозов, и водители почти всегда будут подбирать одинокого ночного путника, уже знакомого им. А тетя Маша пожалеет бедные, опьяненные светлым чувством души и будет давать ключ от подсобки,

где возле теплой батареи Вадим и Люда будут упиваться поцелуями – вершиной, в их понимании, счастья. Как это прекрасно, когда любовь идет впереди инстинкта!

Однажды, когда Вадим приехал с симптомами простуды, Люда не выдержала:

– Вадим, так нельзя! Я каждый раз страшно переживаю, как ты доедешь, не зацепят ли тебя местная шпана, да и холод этот. Вон ты опять простужен. Не надо приезжать пока, – она с мольбой посмотрела ему в глаза. – Послушай! Я на эти выходные съезжу домой, а на следующие укатят мои девчонки, и у нас будет целый день в тепле, тетя Маша как раз будет дежурить. А ты пока вылечишься хорошенько, идет?

– Но это же почти две недели?

– А если ты заболеешь? – Люда добивала его аргументами. – На следующие выходные девчонки разъезжаются по домам, а ты дома с температурой – оно нам надо? – Она улыбнулась игриво, и Вадим сдался.

Зима помалу отступала. Февральское солнце нагревало темные проплешины в осевших снегах и остро пахло весной. Двойственные чувства, разбуженные в душе Вадима этими запахами, не давали покоя. С одной стороны хотелось, чтобы время притормозило, и это «а для тебя родная, есть почта полевая» отодвинулось куда-то, неизвестно куда. А с другой стороны, осознавая, что армия неизбежна, Вадим хотел как-то так рвануть туда, прямо сию минуту, чтобы сразу чуть ли не дембель. Разлука с Людой в два года не укладывалась в сознание. Как было все просто и ясно в конце лета!

Он снова написал ей письмо, и легче стало на душе. Люда ответила, что вся в учебе, что скучает и ждет, не дождется запланированной встречи. Так проходили дни.

Вадим приехал в город первым автобусом, вышел возле универмага и зашел в отдел украшений. Он хотел купить Люде цепочку или колечко в подарок. Долго выбирал. Золото было не по карману, и, наконец, остановился на небольшом колечке с камнем цвета рубина. Три гвоздики, купленные на соседнем базаре у грузина с кепкой-аэродромом на голове, потянули дороже, чем колечко. Вадим бережно спрятал их за пазуху.

– А, кавалер! – тетя Маша улыбнулась, явно радуясь в душе за них. – Иди, иди быстрее, а то ждет тут, не дождется. Да сидите там, как мыши, чтобы я вас не слышала.

– Спасибо, тетя Маша! – Вадим заспешил на второй этаж, доставая на ходу цветы из-за пазухи.

Попадавшиеся в коридоре девушки с любопытством оглядывались. Вадим смущался, и хотелось быстрее спрятаться. Он остановился

перед комнатой с номером 40, постучал и, не дожидаясь ответа, легонько толкнул дверь.

– Да, да! – Люда обернулась и увидела замершего на пороге комнаты раскрасневшегося, то ли от морозного утра, то ли от смущения, Вадима с букетом. Она была в знакомом ситцевом халатике, в комнате было жарко.

– Здравствуй. Это тебе. – Вадим первый раз в жизни дарил цветы девушке.

– Ой, Вадим, милый! Спасибо! – Она легким поцелуем коснулась его губ, – Где ты их достал? Какие красивые! Раздевайся, у нас очень жарко.

– А еще вот это тоже. – Вадим разжал ладонь, и красным лучиком сверкнула грань камешка на колечке с ценником. – Ох, извини. – Он зубами перекусил нитку и протянул колечко Люде.

– Спасибо. – Люда слегка смутившись, взяла колечко и примерила. На безымянный палец оно было велико, а на средний мало. Она оставила на безымянном и вытянула руку, рассматривая. – Красивое! Спасибо, мой хороший. – Обняла за шею и поцеловала уже долгим поцелуем.

Вадим снял пальто. В шерстяном свитере, с воротником под шею, было жарко.

– Ты свитерними, у нас топят невыносимо.

– Под ним только майка. – Вадим смутился.

Люда подошла к двери и закрыла ее на защелку:

– Снимай, сюда никто не зайдет. И можешь разуться. Располагайся, как тебе удобно, а я сейчас покормлю тебя. – Она вышла, закрыв дверь на ключ.

«Да-а, в майке и в ботинках, как-то не того», – усмехнулся про себя Вадим. Он не стеснялся своего тела. Занятия спортом оставили свой след в рельефе мышц его фигуры, но Вадима смущала какая-то провокативность, что ли, ситуации. Все в этой ситуации было с ним впервые, и Вадим боялся вдруг показаться смешным, неловким и этим как-то ненароком обидеть Люду.

Повернулся ключ в замке, дверь отворилась, Люда с накрытым подносом осторожно ступила на порог:

– Вадим, возьми, пожалуйста, а я сейчас еще чайник и чашки принесу. Ты чай или кофе?

– Лучше чай. – Он осторожно принял поднос, на котором горкой возвышались несколько бутербродов с сыром и колбасой, два апельсина, два яблока и три пирожных.

– Вот теперь все. – Люда поставила на стол горячий чайник и две чашки с кубиками сахара. – Можем пировать, нам никто не помешает.

– Она немного смутилась от вида какого-то домашнего Вадима и себя ситцевом домашнем халатике – роль хозяйки выполняла впервые.

– Ну, бери, Вадим, не стесняйся. Ты же не завтракал, наверное?

Вадим взял бутерброд с докторской колбасой и откусил с аппетитом. Докторская или любительская колбасы до сельских магазинов не доходили, поэтому такой стол можно было считать роскошным даже, и Вадиму было приятно осознавать, что Люда ждала его, готовилась. И этот ее, все время открывающий коленки халатик, и его майка на мускулистом теле, лишь подчеркивали естественность происходящего – муж пришел с работы домой.

– Тебе два, а один мне. Ты любишь пирожные? – Люда обладала неоценимой чертой простыми вопросами, иногда даже банальными, сглаживать неловкость ситуации.

– Люблю. А еще больше торт. – Вадим допивал вторую чашку чая.

– Смотри, растолстеешь, перестану любить, – улыбнулась она.

– А ты вправду меня любишь? – неожиданно для себя спросил Вадим, и взгляд его умолял пожалеть и не обидеть.

Люда опустила взгляд, слегка покраснев, но быстро сгладила неловкость:

– Ну, разве непонятно! Глупенький мой! – Нежно чмокнула его в щеку. – Ну, иди ко мне. – Она села на койку, подогнув ноги и прикрыв коленки халатиком.

Вадим был так благодарен ей за это милостивое повеление, что лишь уткнулся в ее волосы. Он и от этого был счастлив. Она взяла в ладони его лицо и прошептала теплым шепотом: «Мальчик мой маленький!..» И целовала его молчащие поначалу губы, а Вадиму хотелось плакать то ли от счастья, то ли от сладкой еще неизведанной боли.

«Я те-бя лю-блю!» – силился он прошептать, изнемогая от нежности, а она зажимала ему рот губами: «Не надо. Молчи. Молчи». И целовала недетскими поцелуями, и Вадим отвечал, вдруг переступив какой-то барьер, и сознание улетало. Разбуженный инстинкт звал обоих в манящий рай, где ни он, ни она еще не были, но они останавливались на полпути, не тратя силы и время на поиск еще неизведанной дороги, а пьянели от одних лишь поцелуев, несмелых касаний пальцев, ощущения тел.

А когда уставали губы, Вадим и Люда замирали, утонув в глазах друг друга, покуда несмелая поступь пальцев вновь не разжигала страстный огонь. И вновь застывали тела в безумном касании, когда казалось и они, и весь мир слились воедино, но опять сил хватало только на поцелуи.

Они были по-настоящему счастливы в тот день. Счастливы даже

от того, что, каждый раз растратив силы на полпути, так и не пошли на вершину. Романтическая душа Вадима не вынесла бы разочарования, и умная, рассудительная Люда понимала это. Она ценила его именно такого.

Глава 11

Весна в том году не опоздала и уже в конце февраля согнала остатки снега, как бы намекая, что нечего расслабляться в зимней дремоте, готовься Вадим к переменам. Да он хоть сейчас готов. Хотелось быстрее начать отбывать эту повинность, радуясь каждому зачеркнутому дню в календаре. Он чувствовал, что внутренне настроился на неизбежную разлуку с Людой. Они как то спокойно коснулись этой темы, даже без полного драматизма, банального «ты будешь меня ждать?» обошлось. Для Люды впереди еще был год учебы, потом распределение неизвестно куда – обычный путь молодого специалиста того времени. Получит диплом, а Вадим, тем временем, уже отслужит год, осмотрится, приедет в отпуск. Полагается же отпуск после года службы? Может, решит остаться на прапорщика, а там уже можно и жену привозить.

Они не стояли перед выбором. Вопрос женитьбы не был актуальным для Вадима и Люды. У них не было страха потерять друг друга в этой неизбежной двухлетней разлуке. Микроб ревности не проник в их чистые отношения. Вадим и Люда были первые друг у друга в этом взаимном влечении, которое не то чтобы не решались назвать любовью, нет. Они, каждый по-своему, где-то глубоко-глубоко прятали сомнения, что именно их – каждого в отдельности, судьба наградила любовью взаимной и равноценной. Они интуитивно ощущали, как это важно – взаимная и равноценная. Сколько отдал – столько и получи. Но эти размышления были так сложны для юных душ, что Люда и Вадим осторожно обходили эти пороги на спокойном плесе их взаимности. Им было хорошо вдвоем, а от добра – добра не ищут.

Когда Вадим пригласил Люду домой, чтобы познакомить с родными, она восприняла это, как естественный алгоритм в их отношениях. И вполне естественным было для Вадима познакомиться с родителями Люды. Когда она предложила съездить в ближайшие выходные к ней на родину, Вадим воспринял это как обещание Люды ждать его эти месяцы (слова «годы» Вадим сторонился) предстоящей армейской службы. Обещание без клятв и лишних слов.

Но была одна мысль, что гвоздем сидела в мозгу Вадима. Даже не мысль, а страх – страх получить вдруг по каким либо причинам отсроч-

ку от призыва этой весной. Когда в марте, как обычно, вышел приказ Министра обороны об очередном призыве на действительную военную службу, не заставила себя долго ждать повестка Вадиму на призывную медкомиссию, которая проводилась на Киевском сборном пункте.

В автобусе, который вез призывников на комиссию, Вадим встретил ребят, с которыми прошел курсы военных водителей. Обрадовались друг другу, разговорились. Некоторые успели поработать на автомобилях, некоторые уже даже знали род войск, где придется служить, а Вадиму похвастать в этом плане было нечем. Даже то, что есть кому провозжать его, и, главное, – есть кому ждать, ребята комментировали как лишнюю бодягу – все равно никто никого не дождется. И навалилась тоска. И полтора часа дороги молча просидел Вадим, погрузившись в невеселые мысли. И, может, именно это состояние было причиной того, что терапевт, измерив ему артериальное давление, вдруг удивленно поднял глаза:

– Что, уже проводы вчера отмечали?

– Нет. Какие проводы? – Вадим не сразу понял, о чем речь.

– Давление повышенное. Жалобы есть? На сердце там, или боли головные? – терапевт листал его личное дело.

– Да нет никаких. Это я переволновался немного. – Вадим разволновался еще больше.

– Ну, посиди минут десять в коридоре, потом зайдешь. – Доктор отложил папку с его делом в сторону.

Ну, какое тут, к черту, успокоение! Вадим сел в коридоре на стул. В висках стучало. По коридору от кабинета к кабинету носился в трусах призывной контингент с папками личных дел, куда доктора в погонах вносили записи, что впоследствии предопределят векторы многих судеб.

Когда манжета тонометра повторно сжала выше локтя руку Вадима, от волнения холодная струйка пота заструилась из подмышки. Он следил за рывками опускающегося столбика серебристой ртути на шкале, и в унисон где-то в пятки опускалось сердце.

– Что ж ты так распереживался-то, Вадим Бут? – Доктор бросил взгляд на титульный лист дела с фамилией призывника. – В аптеке возьми траву пустырника, попьешь. И никакого алкоголя на проводах, понял?

– Так точно! – Погоны под халатом доктора уже действовали на сознание соответственно.

Вадим схватил папку, куда терапевт размашистым почерком внес запись: «А/Д повторно. Годен. К.300», и выскочил в коридор, как бы, боясь, чтобы врач не передумал.

И вот сидела эта мысль-заноза в мозгу и не давала покоя, даже

Люда заметила какую-то озабоченность Вадима, но воспринимала ее, как переживания от предстоящей разлуки.

– Я обязательно приеду к тебе, – успокаивала и целовала легким касанием губ.

А Вадим рисовал в воображении апокалиптические картины. Его стриженного возвращают назад, или не берут в армию совсем! Это была бы катастрофа. Не служивший в армии – заведомый изгой. Он попил чай с пустырника и ожидал повестки на повторную медкомиссию, а пришла повестка третьего мая к восьми часам явиться, так сказать, с вещами. И ощущение, чуть ли не счастья, охватило Вадима – его, таки, забирают! Люда была слегка удивлена такой переменной настроения, и Вадим ей все рассказал.

– Какой же ты глупый! – Глаза ее смотрели с грустью и нежностью. Люда не совсем понимала такой порыв Вадима служить (про мальчика, отдающего честь проносющимся боевым машинам, Вадим Люде не рассказывал, стеснялся), но понимала неизбежность армии для мужчин и принимала принцип: «Раньше сядешь – раньше выйдешь».

Проводы в армию в брежневский застой! Только свадьба могла затмить их по размаху. Была в разгаре, так называемая, «холодная война» с западным миром, но вряд ли кто-нибудь допускал, что заполыхает всерьез. Армия воспринималась народом, как место для мужания юнцов – этакая точка старта во взрослую жизнь. Так оно фактически и было. После двух лет «перековки» молодой человек возвращался на «гражданку» обязательно другим. Лучше или хуже – это уже иной вопрос. Кто из них мог представить себе, как там будут «ковать» и что, или кто после из этого получится? Надо отслужить и все. Все служат. Не служивший – заведомый изгой в собственных глазах в первую очередь.

Так думал и Вадим. И когда, наконец, прочитал сухую, казенную бумажку, где «согласно Закону о всеобщей воинской обязанности приказываю явиться и т.д.», то ощутил прилив радости, гордости и облегчения – гора свалилась с плеч. Вот только разлука с Людой омрачала легонькой тучкой ясный небосвод эйфории. Ну, что же, прими неизбежность, как данность, и живи вперед!

И день, и вечер проводов Вадим и Люда могли побыть уединенно только мельком – всем нашлось дело в приготовлении к вечернему застолью. Лишь поздно ночью, когда уже убрали со столов, и помалу затихали пьяные песни, они пошли пройтись, или присесть где-нибудь уединенно. Слова все были сказаны и, уставшие, молча сидели они на лавочке, прижавшись друг к другу, а вокруг чародей май пробуждал мир к жизни.

– Пойдем. Тебе надо хоть немного поспать, – голос Люды прозвучал тихо и обреченно.

Им, в эти оставшиеся несколько часов, Судьбой разрешалось все. За благоразумие и терпение, за умение утолять любовную жажду лишь смачиванием губ, не жадничая выпить сосуд одним глотком до дна. За эту своеобразную жертву даже Ангелы-Хранители не смели бы остановить их льнувшие друг к другу тела. И постель им постелили одну на двоих, и были сброшены одежды до ничего не способных остановить лоскутков белья, и страсть разгоняла кровь уже, но завязли они в поцелуях и ласках – лишь в том, чему научились в эти короткие месяцы их любовной хвори.

Где-то глубоко в подсознании интуитивно ощутили Вадим и Люда опасность разочарования в эти последние убегающие часы. Разочарования от вдруг несбывшегося ожидания чего-то еще более неземного, чем они уже ощущали. С этим разочарованием невозможно было пережить предстоящую разлуку – это прекрасно знали те, кто контролировал линии их судеб.

И помогли им Ангелы-Хранители. Остановилась несмелая поступь пальцев, убавили разгоняющийся ритм сердца, замедляя ток крови, и уснули Вадим и Люда лишь с ощущением легкой, сладкой боли на вспухших от безумных поцелуев губах...

... «Вот, черт. Кажется, простыл», – подумал Вадим, ощущая нарастающий озноб в теле. Метель не утихала. Автобус осторожно полз в белой пелене, и выйти в эту холодную мглу посреди дороги казалось безумием. Но и звонка не было. Вадим в очередной раз кинул взгляд на дисплей мобильного, которого не выпускал из рук, боясь пропустить ее крик. А это должен быть крик, он уверен! Крик боли с мольбой вернуться! И Вадим сможет сорвать пленку обиды с сердца, и сердце взорвется от жалости к ней – любимой своей женушке! Своему солнышку! И остановит Вадим автобус, и полетит на чем угодно назад – в родное тепло ее тела. И тепло это вылечит его от озноба.

Но бездушный кусок умной пластмассы молчал...

Глава 12

3 мая, поутру, два автобуса с бритыми, зареванными, с бодуна призывниками вырулили из тесного двора райвоенкомата. Мелькнули в последний раз за окнами родные лица, и до самого Киева в автобусе стояла такая грустная тишина, так тоскливо выл двигатель, что казалось, жизнь кончилась, так и не начавшись.

Киевский сборный пункт (в простонародии – ДВРЗ) встретил толчеей и бренчаньем гитар. Атмосфера была уже более живая, зовущая к переменам, и, тем более, страшен был возврат назад домой – в ту жизнь, в детство. Сопровождающий прапорщик, сбив хмельной азарт, построил разношерстную компанию и зачитал фамилии тех, кто должен идти на повторную медкомиссию. Среди прочих прозвучала и фамилия Вадима. Сразу стало ясно, что многие комиссию не пройдут наверняка по причине, не то, чтобы бодуна, а вследствие довольно таки приличного подпития.

Обложив всю группу крутым матом (мог бы ехать домой, а тут возись), прапор подозвал несколько румяных крепышей. Заставил дыхнуть, одного забраковал, и, ткнув им личные дела потенциальных пьяниц, поставил задачу. «Главное, четко выучить фамилию, имя, отчество и дату рождения», – напутствовал прапор, видно не впервые сталкиваясь с подобной проблемой. Для Вадима это был один из тех случаев, когда решение надо принимать немедленно.

– Товарищ прапорщик! И мне... И мне надо подмену! – Вадим чуть ли не умоляюще глядел на раздосадованного прапорщика.

– А ну, дыхни, – строго приказал тот. – Ни хрена не чую. – От самого прапора пахло свежежкой. Ну, как тут учуешь.

– Ладно, – смилостивился. – Эй! А ну, отставить! – скомандовал он вдруг группке своих подопечных, что, разложив нехитрую снедь, уже закусывали.

– Вот ты, с усиками, ко мне!

Низкорослый крепыш нехотя поднялся и подошел к прапорщику.

– Уже опохмелился? Успел? – Командир наклонился слегка, принюхиваясь.

– Я непьющий, товарищ прапорщик, – с легкой обидой улыбнулся крепыш. – Я спортом занимаюсь.

– Вот ты мне и нужен.

Прапорщик всучил ему папку с личным делом Вадима, внятно поставил задачу и напутствовал: «Не дай бог!» Крепыш с недовольным видом поплелся решать судьбу призывника Бута Вадима Ивановича. И точкой невозврата стала для Вадима новая запись в его личном деле: «А/Д 120/80. ГОДЕН. Команда 300». Он никогда больше не видел этого крепыша. Парень остался в его памяти, как одна из тех случайностей, что стоят вехой на жизненном пути.

«Земля качнулась, и рванулся лед,

И громом тишина упала сверху.

На лед упал пятидесятый год,

И навсегда остался в списках на поверке.

У сопок вновь сменяются посты,

Блестят на лоб надвинутые каски,
Но не вернут наградные листы
Тех, кто погиб на острове Даманский...»

Уже была расшифрована «команда 300» – пограничные войска, и песня в переборе гитарных струн вызывала горделивую дрожь в теле от причастности к роду войск, который меньше десяти лет назад реально воевал. И пограничники 1950-го года рождения погибли в мирное для страны время, защищая Родину, а не неся на штыках идеи коммунизма, как Советская Армия в Будапеште в 56-м, и Праге в 68-м.

«Это не такая армия, – думал Вадим. – Тот Леха-танкист из училища танкового совсем из другой армии. Да и пограничные войска – это не армия, это отдельный род войск при Комитете Государственной Безопасности. И в этом есть что-то элитное. Зеленые фуражки, зеленые погоны, и защищают реальную границу страны, а не какую-то абстракцию – мир во всем мире». И ему, Вадиму, повезло попасть в эту элиту.

Правда, когда на второй день начали вызывать «команду 300», на плацу ее принимали краснопогонные сержанты в совсем не зеленых фуражках, лишь знаки «Отличник погранвойск» у некоторых зеленели интригующим намеком. Новые командиры снисходительно игнорировали расспросы, а покрикивать стали уже при погрузке в эшелон. Разношерстная толпа новобранцев в одночасье как-то сникла, но отсутствие еще единого цвета хаки пока позволяло выделить какие-то лица. Сержанты казались не просто взрослыми мужиками, а чуть ли не ветеранами войны, достойными преклонения.

Вагоны забили под завязку. Вадим подсуетился и занял самую верхнюю багажную полку – можно сразу влечься, и никто не будет беспокоить, лишь бы не свалиться. Поезд посунул в ночь, в неизвестность. Атмосфера расслабилась. Послышался смех, разговоры, забренчала гитара. Где-то тогда впервые прозвучало слово «Германия», но никто всерьез его не воспринял, а сержанты-пограничники с красными погонами лишь загадочно улыбались.

Вадиму не спалось. Кое-как пристроился и лежа начал писать письмо. «Где-то брошу на станции», – подумал. Письмо получилось короткое, даже какое-то сухое – первое его письмо из массы в будущем написанных им писем Люде, что будут и лекарством, а иногда даже спасением. Вагон качался, убаюкивая.

Скрип тормозов разбудил Вадима, и за окном сквозь пелену утреннего тумана проявилась вывеска «Слоним».

– Дядя, где это мы? – открыв окно, спросил он железнодорожника, осматривающего состав.

– Белоруссия, – выдохнул тот ответ вместе с папиросным дымом, не поднимая взгляда, и стукнул молоточком с длинной ручкой по буксе колесной пары.

– Бросьте, пожалуйста, письмо.

В поплывшее окно вагона успел разглядеть Вадим, как железно-дорожник поднял брошенный конверт.

После девятого класса, во время сборов будущих призывников, Вадим впервые посетил воинскую часть, стоявшую в райцентре. То место, куда их теперь пешком пригнали после выгрузки в глухом тупике, на воинскую часть походило мало. Большое удивление вызвал переход след в след по контрольно-следовой полосе: «Как?! Мы переходим границу?!»

Здесь же, как с другой реальности, впервые увидели зеленые фуражки на головах местных аборигенов, презрительно смотревших на стадо еще не солдат, но уже и не гражданских. Они явно не завидовали строю новоиспеченных краснопогонных младших сержантов, ждавших с нетерпением свою добычу. И, тем более, не завидовали прибывшим кандидатам в солдаты, зная, что ждет этих, еще романтически настроенных, юнцов. Бойцы в зеленых погонах спокойно и размеренно жили на этой тихой пограничной заставе. Не напрягаясь, несли службу на самой спокойной границе Советского Союза, и не стремились ни в какие «германии» на «передовые рубежи».

Все это уже потом Вадим услышал, увидел и узнал, и тоже не захотел ни на какие «передовые рубежи», хоть и за границу. Но кто уже их спрашивал, и что они могли! Вот уже где была лотерея! Вот уже где случайность играла судьбоносную роль!

«Стадо» с трудом построилось на пыльном плацу. Стоявшие перед ними сержанты с интересом и азартом разглядывали добычу. Долгих восемь месяцев тяжелого срока в страшной «школе СС», как они ее называли, – полковой школе сержантского состава (ПШСС), ползли или бежали они с полной выкладкой по проклятой Вульдхайде и пескам Фридерсдорфа к этой минуте блаженной власти. И вот она настала.

– Кто имеет водительские права, десять шагов вперед!

Толпа выпустила несколько десятков претендентов на то, что может потом пригодиться в гражданской жизни. Вадим рванул одним из первых. Тут еще была возможность принимать решения. Сержанты с автомобильными эмблемами на петлицах начали формировать отделения, и Вадим подумал, что не все так плохо. Ему казалось, он любит их всех – этих таких взрослых в хорошо подогнанной, выбеленной частыми стирками, форме командиров – старших товарищей и наставников.

6-е отделение 11-го автозвода. В этом маленьком мирке из десяти человек предстояло найти свою нишу. То ли младший сержант Благород отбирал себе шестым, то ли Вадим оказался по каким-то причинам в районе шестой десятки? Не было никакой логики в отборах. Все играли вслепую. Ох, Ее Величество Случайность!

Неуклюже спрессовали взвод в подобие строя. Как Иисус Христос с небес, в выбеленном хлоркой «хебе», с новыми алыми погонами с широченной старшинской «лычкой» и офицерских сапогах, перед будущей боевой единицей явилась новая личность:

– Одиннадцатый взво-о-о-д! Становись!

Быстрее всех засуетились младшие командиры. По инерции вбитый намертво школой страх перед сержантом придавил осознание командирами самих себя.

Это был заместитель командира 11-го взвода, в который попал Вадим. Замкомвзвода уже готовился к увольнению в запас – то есть, был «дембелем», но ему напоследок выпала удача смотаться за «молодыми». На всем протяжении срока карантина он будет вызывать благоговейный страх не только у Вадима и ему подобных, хотя очень редко позволит себе снизойти до общения с «молодняком». Старшине-дембелю больше удовольствия доставит сбивать спесь с новоиспеченных сержантов, правда, не на глазах у новобранцев. Он знал их всех по школе сержантского состава, и у каждого из них был свой скелет в шкафу.

– Равняйся! Смирно! В столовую, шагом! Марш! – Как белый солидный гусь стаю разномастных гусят, вальяжно повел старшина-дембель свой взвод подхарчиться.

Обед, пока еще, оказался для новобранцев несъедобным. Щавель для зеленого борща был явно накошен на ближайшем лугу, да и отделить его от травы никто не напрягся. На второе был (удивился Вадим) молочный кисель, который он очень любил в детстве, поэтому первое было им проигнорировано. Но к киселю, почему-то, подавалась какая-то смесь, не очень приятно пахнущая рыбой. Оказалось, что кисель – это картофельное пюре из сухой картошки. Солдатская братия слопала по бутерброду с маслом, запила чем-то похожим на чай и сделала вид, что сыта.

А за соседним столом неспешно трапезничали бойцы в зеленых погонах, с ухмылкой глядя на происходящее и комментируя вполголоса. На их столе дымилась жареная картошечка и стояла миска с горкой квашеной капусты с солеными огурчиками. Все это запивалось молочком.

Это были местные служивые, тихое житие которых по весне тревожилось на пару месяцев. Сначала десантом со свежими «лычками» на потертых погонах, прибывшим из Германии – вроде тоже пограничников, но каких-то очень уж засекреченных. Потом толпой разношерстной призывной публики с азартным блеском в глазах поначалу. Для довольно скучноватой жизни аборигенов эта непродолжительная суэта на их территории была бесплатным развлечением. Контакты с ними были запрещены категорически, и Вадим дальше понял, почему.

Командир отделения – младший сержант Благород, с видом мате-

рого гаишника только начал переписывать личные данные вверенных ему еще не бойцов, даже не «воинов», как поступила команда в баню. Вновь с трудом построились и попылили к невзрачного вида зданию, что находилось в стороне от казарм.

Призывники, в основном, были в старом, некоторые даже в рванье, поэтому отсылать «гражданку», как привет домой, желающих не нашлось. Хорошо, что Вадим не успел намылиться. Только брызнуть на себя водой из тазика подсуетился, как в парную вонь бани с тусклого силуэта двери рявкнуло:

– Выходи строиться! Бегом! Что не ясно?!

Позже он узнает, что хуже этой команды есть только одна – «Подъем!» Некоторые вывалились в предбанник в мыле, некоторые не успели даже водой сбрызнуться. Баня, оказывается, была не «помоищем», а неким «чистилищем» или «святилищем», – символическим началом «перековки». Это было, как отмашка: «Давай!» С этого момента «лычки» на замызганных погонах прослужившего год новоиспеченного командира «освящались» и «давали право».

Голая череда права лишенных, еще не утратившая иллюзии, скорее пока удивленная, выстроилась за получением нового обличия, которое должно уравнивать всех прибывших в одном праве – отсутствии права иметь какое-либо право.

Ох, уж этот запах! Этот специфический запах нового «хебе» и новых сапог! Впоследствии, на «гражданке», получая новый комплект спецодежды, Вадим будет замирать в ступоре – так остро, четко и ясно будут возникать из забвения образы пережитого, потревоженные уколom канувшего, казалось навеки, запаха.

Человеческая память норовит упрятать неприятное, плохое подалее в глубины подсознания. Для человека естественно помнить лишь хорошее. Но иногда случайность (ох, уж эта случайность!) как отмычка, открывает заржавевшие замки прошлого и человека тянет вернуться туда, где так остры ощущения, благо, всегда (а всегда ли?!) есть шанс вернуться в настоящее.

– Размер?

Стоящий в очереди перед Вадимом обладатель прыщавого торса не сразу соображает, что от него хотят. Каптер, выдающий обмундирование, тоже, видно, дембель – весь в белом, срывается на крик:

– Ты что, зема?! Глухой?!

Незнакомое слово сразу воспринимается, как унижающе-оскорбительное. Позднее Вадим услышит и оценит еще иронично-брезгливое «воин», которое, почему-то, никогда не употребляли офицеры. А еще будет, вообще, как бы, для опущенных, – «рыба».

– Ты что, «рыба», службу понял?! – сползает в истерику «дед»,

сам похожий на слизняка. Словарный запас у таких людей, обычно, мал. Их риторические заклинания не нуждаются в ответах, надо просто молча не отводить взгляда, если смелость найдешь в себе.

– Сорок восьмой, сорок третий, пятьдесят седьмой, – упреждая вопрос каптера, Вадим скороговоркой выпалил размеры одежды, обуви и головного убора. Каптер, еще рыкая в сторону раздражителя, небрежно бросил на стол ворох одежды. Переспросил только размер обуви. Сапоги старались выдавать аккуратно по ноге, потертости были бичом в карантине.

Форма оказалась 50-го размера, пилотка (а где же зеленая фуражка?), повезло, – в пору (Вадим увидит на некоторых бедолагах ушитые пилотки – жалкое зрелище), сапоги тоже. Впоследствии, немного ушив брюки в поясе, он останется вполне довольным своим видом. Вот с шинелью Вадиму крупно повезет. Она будет четко по размеру, голубоватого сукна. Но их выдадут позже, когда наступит жара. А пока он напялил на себя только холодное, с добавлением синтетики, «хебе», пока еще без погон и петлиц.

Защитные фабричные погоны и петлицы, бывшие на кителях, была дана команда срезать, что никогда больше не делалось при получении нового обмундирования в дальнейшем. Зачем это делалось, стало понятно позже, когда отцы-командиры получали, прямо таки, садистское удовольствие, сдирая с плеч неумелых косо пришитые погоны и петлицы. А ведь на тонкую полоску защитного погона нашить форменный можно было раз и навсегда ровно и красиво.

Иезуитская, кем-то давно внедренная идея прижилась и переходила из призыва в призыв, позволяя молодым командирам постигать науку требования подчинения. По погонам легко вычислялся солдат первого года службы, ведь «деды» не всегда позволяли себе ходить с расстегнутым воротом и отвисшим ремнем, особенно на виду у офицеров. Летом, иногда, второгоднее «чмо» трудно было отличить от первогодка. Старослужащего отличал погон, нашитый поверх защитного фабричного. Но термин «чмо» припечатывался к субъекту независимо от года службы. «Чмо» есть «чмо» до дембеля.

Так прошел первый день пребывания Вадима Бута в поселке Пограничный, Гродненского погранотряда, Западной границы СССР, где «курс молодого бойца» проходило пополнение в 105-й пограничный полк, дислоцировавшийся в городе Берлине, Группы Советских войск в Германии, а если еще точнее, – в столице Германской Демократической Республики.

Глава 13

За несколько дней «учебка» обшirlась более-менее, хотя рвались погоны с петлицами и в дальнейшем. Выросший в селе, знакомый с иголкой и ниткой, умеющий заматывать портянки, рядовой Бут безболезненно прошел этот период.

Командир 6-го отделения, где Вадим оказался правофланговым, младший сержант Благород оказался человеком абсолютно бесцветным. До армии он успел окончить какой-то техникум и призвался не со своим годом. Понятно, что в этом случае дорога только в сержантскую школу. Явно ему, невзрачному и тщедушному, там было непросто. Высот он не достиг, но по две «лычки» на погоны получил, оставшись со своими комплексами.

Его ни разу не видели смеющимся. Подчиненные в отделении его не любили, да и не боялись особенно. Терпели от безысходности да втихаря презирали. Он пытался проводить откровенные беседы тет-а-тет, но это походило, скорее, на вербовку. Этот непосредственный командир Вадима был не самым худшим в плане предоставления подчиненным «тягот и лишений воинской службы». Некоторым «повезло» попасть к откровенным садистам, не в физическом плане, правда.

Бить они боялись. Вадим задавался вопросом, что заставляло их, заводя себя и впадая в истерику, останавливаться у черты? Нет, не страх получить сдачу, хотя были и такие, от кого они бы получили. Дорожили сержантскими «лычками» в 105-м Краснознаменном, очень тяжело они доставались – эти «лейблы» власти.

Были и исключительно прекрасные ребята-сержанты, по-настоящему любимые своими подчиненными. Сильные как личности, они не реагировали на шипение коллег по поводу либеральности к своим подопечным, а подопечные выкладывались во всю из благодарности своему командиру.

И потекла помаленьку служба у Вадима. Он понял, что выжить здесь возможно, выжить, как личности. Главное, суметь не «пойти по трупам», особенно во время «воспитаний через коллектив». Не рваться вперед и не быть в числе последних было не так уж и трудно. Да и занятия поначалу проводились без «излишеств». Строевая – без наказаний стоянием с вытянутой ногой. Физическая подготовка – без нереальных «двадцать раз подъем переворотом». Некоторые в нетерпении даже стали интересоваться, когда же выдадут оружие и начнется «тактика» – занятия тактические. Ох, наивные!

В первый же день Вадим написал письма Люде и домой, сообщив свой адрес: «Гродненская область, пос. Пограничный, в/ч 2141 У-11». В

ожидании ответа не писал, да и не давила тоска в пестром калейдоскопе перемен и новых ощущений. Не было еще осознания беспределности срока в 777 дней, а через месяц, на присяге, он увидит ее, был уверен. Ответ от Люды пришел через неделю. Писала, что получила письмо, отправленное из города Слоним и гордиться, что Вадим – пограничник. Не тосковали они еще, не успели.

Первые две недели мая допекал холод, а шинелей все никак не давали. В казарме-бараке была изразцовая печка, и каждый норовил хотя бы на минутку прислониться к ее теплой глади. Поэтому, пока еще даже в удовольствие, лупили строевым шагом да разминались на физчасе.

Было много простуженных. После отбоя кашель не давал уснуть и здоровым, злил сержантов, и те швыряли сапогами в виновных и невиновных. Удивительно, как быстро был побежден храп. Вадим не храпел, но его сосед по койке, достающий храпом и Вадима в том числе, через десять дней спал, как младенец. Лекарство было одно – сапог в морду.

Вручение оружия было обставлено торжественно, чуть ли не с целованием. А они были в такой густой смазке – эти старые АК-47. Когда-то, еще юнцом несмышленным, Вадим мечтал: сделан ли уже автомат, который ему вручат? Его сделали еще в 1953–м. Потертый, бывалый, он, наверное, прошел через многие руки. Позже, уже в Германии, Вадим получит АКМ, так и не выстрелив из него. Но этот уже не будет вызывать того трепета, как старый потертый «сталинский» АК-47.

Шинели выдали, когда пришло настоящее майское тепло, а с ним и жажда. Она, как и голод, будет утолена только по приезду в полк. Жажда стала бичом. Для питья воду кипятили беспрерывно в полевой кухне. По взводам кипятки таскали дневальные в цинковых бачках. Вода в них не остывала никогда, так как ее выпивали кипятком, жажду не утоляя. Пить воду в умывальнике запрещалось категорически, и это было правильно – при таком скоплении людей недалеко и до эпидемии. Но ведь люди хотят пить!

После очередных изнуряющих «бегов» взвод ввалился в казарму. Возле бачка толчея, ругань, кипятки хлебают маленькими глотками, раздражая ожидающих очереди на привязанную металлическую кружку. Раздается команда:

– Взво-о-о-д! Десять минут на умывание и строиться на обед!

Вадим сбросил китель и рванул в умывальник. За грязные руки – наряд вне очереди. Возле сосков умывальника толчея, моются прямо в корыте слива, откуда вода не успевает уходить. Вадим ждет, когда освободиться сосок, а вид прохладной, серебристой живительной влаги сводит с ума. Наконец! Он припадает запаленными губами к струе, до лампочки, какой, но холодной воды.

Он не тронул Вадима, но фальцет ловца-командира током ударил по перепонкам:

– Ты что, воин?! Оборзел?! Упор леж – принять!

Тут главное – рухнуть, немедля, тогда может, убережешься от команды «отставить». Вадим повалился на мокрый, в соплях и пене пол, самортизовав руками, чтобы не упасть грудью в нечистоты.

– Я сказал – упор леж, воин! Что непонятно?! – Сапог лег на плечо, стараясь дожать.

Вадим рванулся вверх и выпрямился.

– Вспышка с тыла, я сказал! – Сержант был Вадиму до подбородка, голым, худым торсом подтверждая, что в школу попал, будучи выброшенным за ненадобностью с какой-то роты. Встретится в дальнейшем не один еще такой.

Вадим стоял, не отводя взгляда.

– Фамилия? С какого взвода? Кто командир отделения?

– Рядовой Бут! Одиннадцатый взвод, шестое отделение, младший сержант Благород, – выложил Вадим, ощущая покалывание токов пофигизма.

– Доложить, что лакал сырую воду из крана, понял?! И не дай бог! Я проверю! – Коротыш понял, что не ляжет Вадим.

Наказанием за такое было направление в санчасть, где холеный медбрат давал провинившемуся чайник с теплой, закрашенной марганцовкой водой. Приказывал выпить всю и с наслаждением наблюдал, как бедолагу рвет, выворачивая внутренности.

– Есть, доложить! – выпалил Вадим и рванул в казарму.

Не доложил он не из-за смелости своей великой. Это было нарушение, и Вадим был виноват. Ведь нарушение было не в том, что отказался лечь на заплыванный пол, а в том, что пил сырую воду из крана. В суматохе построения оттягивал суровый приговор. Потом обед, потом еще что-то, – так и не доложил Вадим, вдруг сообразив, что забыл фамилию сержанта, и сочтя это достаточной причиной. А тот так и не проверил.

Помалу привыкали. Уже знали все про дальнейшую службу в Берлине, и надежда, что там все будет по-другому, давала силы выживать. Но однажды зерно сомнения относительно такого уж большого счастья в берлинском раю, было заронено в успокоившуюся душу Вадима.

Как-то попал он на погрузку того, что осталось от гражданской одежды новобранцев. Кто и чем кромсал горы тряпья, было покрыто мраком. Вадиму, и еще двоим воинам, предстояло загрузить все это в грузовик. Удивительно, но он нашел в куче штанину от своих брюк. Постоял над ней, как над покойником, грустно улыбаясь. Как все это было недавно и... давно.

Справились с погрузкой быстро и развалились на пахучей майской траве, не торопясь в казарму. Рядом паслась корова. От нее так пахло домом. Корова, оказалось, «служила» на заставе, снабжая молоком местных защитников рубежа. Про это поведал прибалтийский боец в заломленной зеленой фуражке, что пришел подоить буренку. Угостив курящих сигаретами, пограничник развалился рядом на траве и повел разговор.

И тогда Вадиму стало понятно, почему так строго запрещались контакты с местными пограничниками. Когда услышал подробности про их службу здесь, желание ехать «за бугор» улетучилось мигом. А еще так красивы были у погранца фуражка зеленая и погоны на добротном «пеша». Этот парень призывался в осенний призыв. Повезло. В 105-й полк отбирали лишь с весеннего. А на «карантинщиков» командиры нагнали жуть: все, мол, за границу не попадут. Кого не возьмут, те останутся в отрядовском стройбате шпалы в креозоте варить, и никакой службы на границе им не видать.

Да, в Берлин поедут, действительно, не все. С отделения Вадима «не повезет» двоим. Они, себе в утеху, попадут служить водителями на транспортных автомобилях в Гродненский погранотряд, и будут иметь и отпуска и увольнения. Со стрелковых взводов не попавшие в Германию будут служить на пограничных заставах Гродненского и Брестского погранотрядов. Да-а, «не повезет»!

Но, лежа в расслабке на молодой травке, слушая парня в «зеленке», и всеми фибрами души завидуя ему, верил и не верил Вадим улышанному. Он понимал, как мало сейчас в его судьбе зависит от него самого. Понимал, что только Его Величество Случай командует здесь.

Люда писала, с перерывом в два-три дня, короткие письма – шла подготовка к экзаменам. А Вадим уже подседал на наркотик писем. Он писал Люде почти ежедневно. Иногда всего несколько строчек, но чаще длинные письма с подробным описанием своего быта, занятий, даже впадая мимоходом в пафос по поводу службы. Но все чаще поддавался он ностальгии по мягкому ковру из желтых листьев, по нежной глади каштанов и глазам любимой, цвета этих каштанов. Хотелось, хоть во сне, но улететь в жаркую комнату общежития. Три пирожных на двоих на десерт и отпускающий тормоза шепот припухших от поцелуев губ. Но сны солдату не снились.

Глава 14

Наряд на кухню был воспринят бойцами 11-го взвода, как интересное разнообразие в череде приевшихся занятий, а также маячила возможность подкрепиться. Зелено-защитная от еще необтрепанной формы с алыми пятнами погон братия быстро нагуляла аппетит и уже через неделю сметала все со столов подчистую. Вадим, который с детского сада всегда процеживал ложкой борщ, оставляя его компоненты в тарелке, теперь вылавливал гущу и с наслаждением хрумкал смесью щавеля, травы и одуванчиков. Добавку не просил, было унижительно. К таким намертво прилипало тавро – «желудок». Особенно неприятно это выглядело со старослужащими. Были даже и сержанты, ничтоже сумняшеся, тянувшие миски к раздающему за добавкой. В полку кормили хорошо, но за восемь месяцев гона они голод так и не утолили, и здесь не опускаться перед «салагами» воли не хватало.

Практическое отсутствие на кухне моющих средств, кроме соды, превращало наряд в каторгу. Куча проверяющих норовила провести пальцем по столам или посуде, и неизбежно поступала команда «перемыть». Подхарчиться тоже удачи не выпадало. Голодная свора оставляла в бачках на столах только мутную жидкость. Много оставалось лишь хлеба. В основном «черняги» – кислого и невкусного, мучившего, впоследствии, страшной изжогой.

В варочном цеху стоял большой целлофановый мешок с комбижиром, похожим на что-то среднее между парафином и смазкой ЦИАТИМ. Мордастый повар снисходительно позволял намазать им кусок «черняги». Соль была на столах, а луковицу воровали солдатики в заготовительном цеху.

А в отдельном углу столовой румяные бойцы в зеленых погонах неспешно насыщались, прямо таки, домашней едой. Среди кухонного наряда нашлись такие, кто, пересилив страх перед наказанием, пошли на контакт с погранцами и приняли дарственный кусок с их богатого стола. О гордости речи не было. Остальных давила жаба зависти.

Позже, уже в гарнизоне Руммельсбург («Румеле»), где стояла автоторота 105-го полка, и где кормили прекрасно, Вадим будет задаваться вопросом: почему же так плохо кормили в карантине? Сколько испорченных желудков останется на память «защитникам Родины» на всю жизнь! Ну не до такой же степени бедная страна! «Тяготы и лишения воинской службы», которые было положено присягой преодолевать «с достоинством и честью», – может, это они и были? Но, если держава богатая, как отовсюду дудели газеты и радио, значит, эти «тяготы» искусственные? Зачем? Чтобы отфильтровать «балласт»? Ох, крамола, крамола в голове!

Тактические занятия начались с красочного представления, которое давал сам начальник учебного пункта – смуглый, жилистый капитан. «Черный капитан», как окрестят его в карантине, лупил по мишеням, банкам с бензином, камням, деревьям из всех видов оружия, что было под рукой, пока не израсходовал боезапас. Завороженная визжащими полетами трассеров солдатская масса стояла, разинув рты.

Пока подошла очередь стрелять 6-му отделению, измочаленные тренировками бойцы уже подрастеряли былое нетерпеливое желание выпустить боевую пулю из своего АК-47. Младший сержант Благород считал, что прежде чем доверить «салагам» великую честь бабахнуть в мишень или белый свет, надобно хорошенько потренироваться в подходе на огневой рубеж, а заодно и попрятаться от «ядерного удара». И когда, наконец, автомат в руках Вадима дернулся, громко звякнув, и брызнула фонтанчиками пыль на склоне холма, усталый Вадим даже не порадовался, что мишени от его пуль легли.

Нешадно палило солнце. В войну играли по-настоящему – с дымовыми шашками и холостой чечеткой командирских автоматов. Оружие, правда, они брали у бойцов, отдавая тем свое, чтобы не возиться с чистой от пороховой гари. При этом предупреждали: «Не дай бог, вернешь грязный!» Невезучим приходилось чистить два автомата.

Бег в противогазе Вадим выдерживал. Поэтому не рвал клапан и не отвинчивал, втихаря, шланг от фильтра, как умудрялись некоторые. Его противогаз держал дым нормально, а несчастные «кулибины», нырнув в ядовитый туман дымовой шашки, уже через несколько шагов рухнули наземь в удушливом кашле.

Командир 6-го отделения, младший сержант Благород, оскорбленный до глубины души и обозленный такой «изобретательностью», развернул отделение и погнал воинов обратно в едкую тучу дыма, наслаждаясь видом корчившихся хитрунов. Немедленно была применена тактика воспитания «через коллектив» – иезуитский садистский приемчик:

– Взять раненых! Вперед! Бего-о-о-м!

Воин, с залитым грязными слезами лицом и желтой пеной на запекшихся губах, дернулся из подхвативших рук в отчаянной попытке вырваться из удушья.

– Я сказал – взять раненого! Что не ясно, воины?! – Командир явно заводился и входил в садистский раж.

Отделение сделало квелую попытку выполнить приказ.

– Вспышка с фронта! – рывкнул Благород, явно придумав что-то новое. Воины рухнули в траву, как в перину.

– По-пластунски! Ориентир – отдельный куст! Вперед!

– Перебежками, справа по одному! Ма-а-а-рш! Ложись! – следовали одна за другой команды.

«Вот оно что», – сообразил Вадим, почувствовав локтями и коленями влагу, и попытался сместиться левой к кочкам.

– Принять вправо и по-пластунски вперед! – Сержант заметил маневр.

Горькая смесь злости и пофигизма замутила сознание, и попер Вадим в болото, даже не оберегая автомат, сообразив, что таким способом выиграет секунды отдыха, пока разъяренный «унтер» загонит в грязь отставших. Стараясь не замочить левый нагрудный карман с правами, Вадим завалился на правый бок и замер между кочками. Позади слышались вопли вконец взбесившегося сержанта, – кто-то уперся и не хотел лезть в болото.

Нестерпимо жгло солнце. Мокрая прохлада под животом не остужала, а лишь распалая жажда. Фляжка давно была пуста. Вадим осмотрелся. Боец правее вполз прямо в лужу и, лежа на спине, цедил влагу в жаждущий рот через пилотку.

«Черт! Я бы не додумался», – удивился Вадим, но тут же понял, что если зметит Благород, то чайник марганцовки обеспечен.

Вода была теплая и отдавала прелым сеном, но пилотка фильтровала отлично, да и голову освежила.

«Нет, все-таки лучше по-пластунски в болоте, чем бегом в противогазе!» – Наличие альтернативы всегда вызывало оптимизм у Вадима.

Отстирывалось от «тактики» 6-е отделение после обеда в речушке, пограничным столбом разделявшей две страны. За речушкой, метрах в тридцати, пожилой поляк пас коров, не обращая никакого внимания на происходящее. Граница с колючкой, контрольно-следовой полосой и охранной системой была позади новобранцев – туда, на восток. Чтобы не рванула эта братия, не подписав присягу, к мамкам. На запад никого не тянуло, и те, кто обустроил этот учебный пункт, об этом знали.

Теряя гражданский жирок, остатки иллюзий и романтики, карантин втягивался в армейскую жизнь. Прессинг пошел конкретный. Два года протянуть в таких условиях было явно нереально. Там, в полку, все будет по-другому, легче. Из редких задушевных бесед с некоторыми командирами впитывал Вадим греющую душу информацию. Большинству сержантов со временем самим все здесь до чертиков надоело и хотелось быстрее в полк. А командир 6-го отделения упорно шлифовал командирские навыки, сдирая, как наждаком, остатки уважения к себе.

Как-то во время очередной «игры в войну», поймав в трясущийся прицел его тщедушную фигуру, Вадим изнемог от дубасящей мозг мысли: смог бы он выстрелить в эти ненавистные «лычки», имея в магазине автомата боевые патроны? И ответ запульсировал в воспаленной голове: «Нет! Нет! Нет!» И не потому, что форма на плечах одинаковая. Просто, в человека выстрелить он был не в силах. А во врага? Во врага

же – святое дело? Но он ведь тоже из «человеков»? И враг ли тот, кого назначила пропаганда? Ох, крамола, крамола опять в голове!

Зная эти метания души подопечного, уберезет его Ангел-Хранитель от чистилища, где «а сам стреляй, а то убьют». Только взглянуть и ужаснуться позволит. Уже через полгода появится короткое слово «Афган». И слово это откроет глаза на все в стране не только прошедшим Афганистан и выжившим, но и тем, кто существовал в этом околоченном лагере с названием «СССР» и думал, что нигде в мире нету лучше.

Попытка повешенья сбила темп и азарт отчаянной муштры. Была ли это попытка, или отмучился, таки, солдатик, – осталось покрыто мраком. Но что-то было. Сержантов собирали отдельно, что-то с ними там проводили, и послабление пошло. Но теперь попытка ступить шаг без разрешения каралась нещадно. Ночью в туалет без дежурного сходить возможности не было. Дежурные раздражались от вида представшего пред их очи, сучившего от немоготы ногами, воина, нехотя вели к туалету и давали «сорок пять секунд».

Многие пробовали терпеть, и... пошли мокрые матрасы. Это не шокировало, и никого по причине этой не комиссовали. Матрасы просто вытаскивали на день на просушку, а на ночь втаскивали. Запах в казарме стоял ужасный. Массовость случаев не давала возможности порождения изгоев. Понимали – приедем в полк, и пройдет все. Так оно и будет. Для подавляющего большинства полк станет по настоящему родным домом. Но не для рядового Бута.

Глава 15

В начале июня «боевые действия» в карантине стихли. Как у Высоцкого: «А потом кончил пить, потому, что устал». Насытились все по горло. Рядовые растеряли остатки романтики и патриотизма. Сержанты объелись дарованной им на некоторое время неограниченной властью над бесправной массой. А офицеры просто соскучились по семьям. Учебный пункт 105-го пограничного полка готовился к присяге молодого пополнения. Отощавшие, загнанные, уже не призывники, но еще и не солдаты, ждали эту присягу, как избавление, как осужденные амнистию. После этого страшного мая любая перемена в бытии, что, как изрек классик, «определяет сознание», принималась измаявшейся душой безоговорочно.

А для Вадима день присяги еще и был днем свидания с Людой – любимой его девушкой. Он уже не стеснялся ее так называть. Эта радикальная перемена в его жизни обострила до крайности и чувства и ощущения. И слово «люблю» в письме уже не казалось сказанным

всуе, да и не было мягкой ладошки на губах и нежного шепота: «Молчи! Молчи!..» Писать каждый день, стало для Вадима частью его трудного бытия, светлым лучиком в беспросветных тучах обыденности. Он расслаблялся, отдыхал в письмах. Написав два слова: «Здравствуй, любимая!», замирал в раздумьях, улетаая в золотую осень – туда, «где прикоснулись девочка и мальчик к самой светлой тайне на земле».

«Пусть сегодня вновь нас память унесет в тот туман голубой.

Как же это все, ну, как же это все, мы не сберегли с тобой?..»

Песня из радиотрансляции бередила горчинкой сладкие грезы Вадима и не виделось ни конца, ни края этого постылого бытия. Если бы можно было выбирать: остаться здесь или ехать в Германию! Ну, разве бы он раздумывал! Одно осознание того, что сюда к тебе всегда могут приехать, уже греет сердце, и месяцы летят быстрее. Но есть ли шанс, попав в число отсеянных, продолжить службу водителем? А в Берлине Вадим точно попадал в автороту. Точно! Он без замечаний прошел здесь обкатку на ЗиЛ-130. Правда, вместо второй передачи врубил четвертую, но сумел тронуться с места, не заглохнув, и прапорщик-инструктор, видно, это оценил. Другой службы, кроме службы водителем, теперь Вадим себе не представлял.

«Пусть все идет, как идет, – решил он. – Кривая вывезет».

Зачастили фотографии. Под бдительным присмотром сержантов щелкались стандартные наборы: одиночный снимок по стойке «смирно», снимок «вдвоем с другом» и фото во главе с бравым командиром. Никаких улыбок не разрешалось, и Вадим с трудом осилил себя, чтобы отослать карточку с постной своей физиономией Люде. Дней за десять он написал ей в письме, что присяга на 11 июня и в тот же день первая партия уедет в Германию. За два дня до присяги пришел ответ на это письмо, где Люда писала, что обязательно приедет. Но за два дня до присяги Вадим уже не хотел ее видеть.

В последнюю неделю режим стал либеральным до такой степени, что даже разрешили свободно ходить в магазинчик, где продавались сигареты да всякие сладости, в основном. Была дана установка спустить все советские деньги, иначе это будет контрабанда валюты при пересечении границы. У Вадима оставалось рубля три. Он не курил, поэтому набрал на все деньги сдобы с песочного теста да какого-то болгарского сока с мякотью. Отвел душу. И жадность фраера сгубила. Ночь прошла ужасно. Когда раз в четвертый скрюченный Вадим попросил у дежурного разрешения в туалет, тот посмотрел раздраженным взглядом на его зеленое лицо, но уже под конвоем не повел: «Иди». Вадим рванул пулей.

– Это у тебя в животе? – Ефрейтор-санинструктор повернулся удивленно в сторону сидящего на табурете Вадима. – Ничего себе! Что жрал?

Пришлось поведать.

Чайник марганцовки не вылечил. Поднялась температура, и Вадима направили в отдельный барак-санчасть, где валялись по койкам с десяток подобных. Разговорились, как водится. Оказалось, что с такими симптомами, как у Бута, должны немедленно везти в госпиталь. А вдруг дезинтерия и весь карантин обдрыщется? Но послезавтра присяга, поэтому придержат. Когда еще потом приговор себе удастся подписать. Под приговором разбитной парень имел в виду предстоящую присягу.

– Вчера шесть человек увезли в Гродно. Повезло – останутся в Союзе наверняка. – Парень закашлялся чахоточно. – А у меня, падла, температура, как назло, спала. А у тебя есть?

– Тридцать восемь и три. – Вадиму уже не хотелось, чтобы температура спала, не хотелось лишиться этого уюта без команд и беготни.

– Думаю, на присягу выгонят, но в дорогу на Берлин не потащат. После присяги увезут всех нас, кто здесь, в госпиталь. – В рассуждениях парня сквозила неуверенная надежда.

Вадиму уже не хотелось ничего. Пустой от суточного голодания живот, как будто, успокоился, и Вадим задремал. Взбудораженный температурой мозг рисовал калейдоскоп из каких-то кусков абсурдных сцен, Вадим просыпался и снова тонул в хаосе бессмыслицы.

На ужин съел только полкуска хлеба с маслом да запил чаем – аппетита не было. Желудок еду не принял, и лишь под утро обессиленный от рвоты Вадим забылся в беспокойном сне. Разбудил санинструктор, сунув в руку градусник:

– На, меряй.

Температура держалась.

Сквозь окно было видно, как на плацу 11-й взвод проводил последние тренировки в принятии присяги. Проводил без него – Вадима. «Ну, и черт с ним!» – Он уже искал плюс в сложившейся ситуации. Пускай не попадет водителем, но останется в Союзе. И Люда сможет хоть раз в полгода приехать. А, может, его вообще комиссуют? К такому повороту событий Вадим, правда, был еще не готов. А еще ставало страшно от мысли, что любимая увидит его вот таким. Худым, стриженным, с темными обводами глаз на зеленом лице. Ну как он может предстать ее взору в таком виде?! Мысли, мысли. И подступала апатия, замешанная на пофигизме, и, насколько мог, успокаивался Вадим – будь что будет.

Утром его растолкал Благород:

– Хватит прохлаждаться. Привести себя в порядок и в строй.

Тошнота и озноб гасили сознание, и Вадим с трудом натянул сапоги. Вчера он не ел вовсе и сегодня к завтраку не притронулся. Даже страшно было представить, что живот скрутит во время принятия присяги. А ведь и Люда, и мать будут смотреть!